

2132.

О. Б. СИРОТИНИНА

РУССКАЯ
РАЗГОВОРНАЯ
РЕЧЬ

ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ



ТІЛ БІЛІМІ

ИНСТИТУТЫ

О. Б. СИРОТИНИНА

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ



МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1983

ББК 74.261.3
С40

Рецензенты: доктор филологических наук, проф. кафедры русского языка Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина *Бабайцева В. В.*; заведующий кабинетом русского языка и литературы Саратовского областного института усовершенствования учителей *Захарова В. Ф.*



Сиротинина О. Б.

С40 Русская разговорная речь: Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983.— 80 с.

В книге рассказывается об основных особенностях русской разговорной речи, отражении их в письменной речи и устной речи учащихся. Автор говорит о наиболее типичных ошибках, встречающихся в школьной практике, которые обусловлены влиянием разговорной речи, дает рекомендации о том, как следует их исправлять.

С 4306010100—713 34—83
103(03)—83

ББК 74.261.3
4Р(07)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одна из задач, стоящих перед учителем русского языка,— развитие речи учащихся. Решение ее связано со всей работой по русскому языку на протяжении его изучения в школе, в том числе и с работой по стилистике. В программе по русскому языку для восьмилетней и средней школы на 1982/83 учебный год специально подчеркивается, что «изучение каждого раздела, каждой темы содействует развитию мышления и речи учащихся...». Учитель должен, как отмечается в Программе, «приучать школьников к сознательному анализу своей речи и речи товарищей с точки зрения ее соответствия литературным нормам»¹.

В последние годы издано немало пособий по стилистике и развитию речи, в том числе и адресованных учителю (см. список литературы в конце книги). Однако в них все еще недостаточно обращается внимание на ошибки в письменной и устной речи учащихся, которые отражают особенности, специфику разговорной речи. Эти ошибки являются следствием того, что школьники, особенно младших классов, фактически владеют только одной разновидностью литературного языка²— разговорной речью. Поэтому в работе по развитию речи учитель должен четко представлять, в чем заключаются особенности разговорной речи, в ряде случаев опираться на них, а подчас отталкиваться от того, что свойственно только разговорной речи.

Русская разговорная речь сейчас исследована достаточно хорошо, но результаты этого изучения представлены в статьях и монографиях, малодоступных учителю. Восполнить (хотя бы частично) пробелы в литературе для учителя, т. е. показать особенности разговорной речи, ее место в системе литературного языка, продемонстрировать типичные разговорные ошиб-

¹ Программа по русскому языку для восьмилетней и средней школы на 1982/83 учебный год. М., 1982, с. 6.

² Возможны, конечно, и случаи невладения литературным языком вообще (дети могут говорить на диалекте или использовать в своей речи просторечие). Но эти случаи рассматриваются в специальных методических пособиях.

ки в письменной и устной речи учащихся, и тем помочь учителю в его сложной работе — цель данной книги.

С первого года жизни ребенок слышит вокруг себя разговорную речь, овладевая постепенно языком через ее посредство. Однако разговорная речь еще не весь язык. Именно это отметил еще в 1836 г. А. С. Пушкин в статье «Письмо к издателю»: «Писать единственно языком разговорным — значит, не знать языка»¹.

Придя в школу, ребенок попадает в сферу действия иных разновидностей литературного языка, не разговорных. Требования нормированной речи, предъявляемые учителем, ставят ребенка подчас в тупик: почему нельзя глотать концы слов и фраз? Почему нельзя говорить *картошка*, *моркошка*? Почему надо давать полные ответы? Нередко эти непонятные для ребенка требования настраивают его против школы, против учителя, который «ко всему придирается», против русского языка.

Конечно, требования учителя справедливы, но непонятны школьнику, так как ничем не аргументированы. В результате построения, присущие разговорной речи, встречаются не только в устных ответах, но даже в сочинениях старшеклассников. Для того чтобы школа с первых уроков смогла помочь детям понять разницу неофициальной (разговорной) и официальной речи, смогла бы научить их пользоваться функциональными разновидностями литературного языка, необходимо, чтобы учитель русского языка и литературы хорошо представлял отличия разговорной речи от разговорной. Следует помнить, что разговорная речь, естественная для детей, освоенная ими с первого года жизни, оказывает воздействие на письменную речь учащихся, которой они начали обучаться в школе, но которая еще не стала для них привычной. Учитель должен четко представлять себе всю сложность, принципиальные отличия письменной формы речи от устной формы.

Материалы предлагаемого пособия должны помочь учителю в его работе по развитию письменной и устной речи учащихся, в борьбе с разговорной стихией и тем самым выполнить одну из основных задач — научить школьников бережно относиться к слову, к богатствам русского языка.

Сложность борьбы с разговорной стихией заключается в том, что в повседневном общении разговорная речь закономерна и нормативна, она широко используется писателями для того, чтобы создать впечатление беседы, устного общения персонажей художественного произведения. Разговорная речь — одна из функциональных разновидностей литературного языка, но она не годится ни для выступления на собрании, ни для

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., в 10-ти т., т. VII. М., 1958, с. 479.

ответов в классе, ни тем более для общения с отсутствующим адресатом речи, т. е. невозможна в письменной форме. Поэтому в начале пособия говорится о месте разговорной речи в литературном языке, о границах ее использования. Затем описаны особенности разговорной речи, те ее свойства, которые уместны и даже неизбежны в разговоре друзей, родных, людей, объединенных общностью ситуации, но неприемлемы в официальной устной и любой письменной речи. Знания этих свойств разговорной речи необходимы учителю для преодоления разговорной стихии в сочинениях школьников, для понимания причин неудачных построений и оборотов. В последующем изложении показаны типичные ошибки, обусловленные влиянием разговорной стихии на письменную и устную монологическую речь учащихся (для примера проанализированы сочинения и устные ответы школьников г. Саратова)¹. В последнем разделе коротко освещена роль разговорных элементов в художественных текстах.

Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность тем, кто знакомился с пособием в рукописи и сделал ряд интересных и полезных замечаний, направленных на его улучшение: доктору филологических наук, профессору В. В. Бабайцевой, учителям школ № 3, 19, 37 города Саратова, а также Саратовскому областному институту усовершенствования учителей, в особенности заведующему кабинетом русского языка и литературы этого института Захаровой В. Ф.

¹ В нескольких случаях использованы факты, приведенные в дипломной работе Н. А. Кановой, выполненной на основе анализа 230 сочинений учащихся VIII—X классов школы № 16 г. Камышина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

СТИЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ИХ ОСОБЕННОСТИ

В стабильном учебнике русского языка для VII—VIII классов средней школы сказано: «Разновидности литературного языка, обслуживающие различные стороны общественной жизни, называются стилями литературного языка»¹. В качестве стилей в учебнике названы разговорный, научный, публицистический, деловой, а также стиль художественной литературы. Эти функциональные стили — результат использования языка не только в разных сферах общения, но и в разных целях. Так, акад. В. В. Виноградов отмечал, что разговорный стиль используется для общения, научный и деловой — для сообщения, а художественный и публицистический — для воздействия.

Как известно, литературный язык обслуживает настолько различные стороны нашей жизни и деятельности, что не может быть одинаковым в разных случаях. Многие современные языковеды (Б. Н. Головин, М. Н. Кожина и др.) говорят даже о различных типах мышления, связанных с использованием разных функциональных стилей.

Коротко каждый упомянутый стиль можно охарактеризовать следующим образом.

Научный стиль используется для передачи и хранения научных знаний об окружающем мире. Основная черта его — понятийное отражение действительности. Для научного стиля характерна доказательность, подчеркнутая логичность изложения. Основная форма существования научного стиля — письменная, ибо автор и получатель речи могут быть отделены не только пространством, но и временем. Пишущий должен обеспечить точное понимание своих мыслей, выдвигаемых положений, отсюда терминологичность научного стиля, уточнение почти каждого слова рядом зависимых. Научный стиль используется для сообщения какого-то нового знания узкому кругу специалистов, поэтому термины физики могут быть неизвестны и непонятны специалисту в области биологии. Чтение научных текстов требует специальной подготовки.

¹ Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю., Чешко Л. А. Русский язык. М., 1982, с. 235.

Научные знания отражают общие закономерности, а не конкретные, случайные факты, поэтому в научном стиле используются прежде всего обобщающие значения слов.

Специальными исследованиями (М. Н. Кожинной, О. Д. Митрофановой и т. д.) установлено, что в научном стиле значительно чаще, чем в других стилях, употребляются существительные в форме родительного падежа, используемого для уточнения (*изменение характера электронного спектра раствора оксигемоглобина; показатели уровня развития навыков связной речи учащихся*), существительные среднего рода, глаголы в форме настоящего времени, обособленные обороты и сложноподчиненные предложения, особые средства связности (*итак, поэтому, из этого следует* и т. д.). Тексты, адресованные неподготовленному читателю (в учебниках, научно-популярных статьях и книгах), меняют свой характер, теряют ряд черт, присущих научному стилю: в учебниках объясняются термины, в научно-популярных произведениях широко используются образные сравнения и сопоставления, степень точности уменьшается. Таким образом, научный стиль теряет некоторые свои черты и превращается в научно-популярную разновидность научного стиля (ряд ученых даже считают его особым научно-популярным стилем).

Деловой стиль используется в сфере социального регулирования. Им пишутся законы, указы, дипломатические документы, различного рода протоколы, акты, доверенности, заявления и т. д. Основное требование к деловому стилю — точность, не допускающая интолкований. Отсюда огромное количество уточнений (*я, Петров Иван Федорович, доверяю своей жене, Петровой Анне Ивановне...*), использование стандартных формулировок, которые в связи с применением машинной обработки документов превращаются в жесткие ГОСТы, специальных бланков (см., например, бланки почтовых переводов, посылки и т. д.), не допускающие разнобоя.

Как научный, так и деловой стили не отражают личного отношения автора к передаваемой информации, стремятся не к разнообразию речи, а к единообразию, стандарту и четкости в выражении понятий. Так, например, в главе 10 Конституции СССР в каждом предложении используются термины «автономная республика», «союзная республика», которые не могут быть заменены ни местоимениями, ни перифразами, ни какими-либо иными словами: *«Автономная республика находится в составе союзной республики. Автономная республика в пределах прав Союза ССР и союзной республики самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению. Автономная республика имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции СССР и Конституции союзной республики и учитывающую особенности автономной республики»*. Приведенный пример демонстрирует, как широко используются в деловом стиле

различного рода уточнения: *вне пределов прав Союза ССР; относящиеся к ее ведению; учитывающую особенности автономной республики*. Эти уточнения предупреждают возможность неправильных толкований, искажения закона.

Деловой стиль в основном использует письменную форму речи, но в дипломатии и в судопроизводстве возможна и устная его форма (вербальная нота, заявление посла, допрос подсудимого и т. д.)¹.

Публицистический стиль применяется в общественно-политической сфере и имеет как письменную (газета), так и устную форму (радио, телевидение, публичные лекции, выступления на собраниях). Тексты публицистического стиля всегда адресованы массам и всегда имеют четко выраженный воздействующий характер. Используемые в этом стиле слова имеют оценочный характер, причем не лично авторский, а социально обусловленный. Такую оценочность (прагматическое значение) приобретают даже общественно-политические термины (см., например, использование слов *социализм, социалистический, советский, коммунистический* в публицистических текстах друзей и врагов социалистических стран) и имена собственные (фамилии государственных и общественных деятелей, названия государств и их объединений). Прагматическое использование имен собственных приводит к образованию в публицистическом стиле своеобразных общественно-политических терминов с ярко отрицательным отношением к передаваемому ими содержанию (*франкистская Испания, гитлеровская Германия, клика Пиночета* и т. д.). В публицистике четко выражено в языке деление на «свое» и «чужое» (например, по отношению к «своим» не используется слово *лидер*; ср.: *лидер лейбористской партии — лидер социалистической партии*), «дружеское» и «враждебное», «положительное» или «отрицательное». Так, мы не можем употреблять прилагательные, образованные по модели «*про*+производящее прилагательное», если речь идет о положительных, дружеских нам явлениях общественной жизни, ср.: *проамериканские, профашистские элементы, группировки, взгляды* (при невозможности «просоветский», «прокоммунистический»).

С ярким прагматическим значением используются слова *визит — поездка — вояж; форум — митинг — сборище — шабаш; вождь — лидер — главарь; суд — судилище — судебная расправа* и т. д.

¹ От устной формы речи необходимо отличать произносимую (читаемую) письменную речь, широко используемую как в дипломатии, так и в докладах на сессиях Верховного Совета СССР, отчетно-выборных собраниях и т. д., а также в научных докладах. См. о необходимости формирования навыков устной, т. е. «говоримой», речи кн.: *Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся*. М., 1975, с. 10. *Читаемую речь* Т. А. Ладыженская также не считает устной.

Широко употребляется в публицистических текстах и собственнo оценочная лексика: ярко отрицательные — *оголтелый, молодчик, распоясавшийся, фашиствующий*, ярко положительные — *доблестный, героический, плодотворный, ударный, ценный* и т. д. Воздействующая функция для публицистического стиля основная. «В ходе массовых информационных процессов распространяются сообщения, содержащие информацию, которая четко ориентирована на утверждение духовных ценностей, моральных и правовых норм данного общества или какой-либо его части с целью оказания идеологического влияния на настроения, мнения, оценки, решения и поведение значительных масс людей»¹. Воздействие на массы людей, а не на одного человека — еще одна черта, характерная для публицистического стиля. С этим связано типичное для него чередование экспрессии и стандарта, постоянное превращение экспрессии в стандарт и поиск новых экспрессивных средств выражения (*холодная война, напряженность, разрядка, гонка вооружений* — метафоры, почти сразу же превратившиеся в общественно-политические, т. е. стандартно употребляемые, термины).

Разновидностью публицистического стиля является ораторский стиль, используемый при устном воздействии на массы. Одно из основных средств ораторского стиля — особый экспрессивный синтаксис, т. е. воздействие на слушателей самим построением речи (период, анафора и т. д.).

Художественный стиль противостоит всем ранее названным стилям эстетическим принципом организации речи, ее образностью, поскольку используется для образного отражения действительности, образного моделирования человека и его переживаний. Художественный стиль индивидуально вариативен, поэтому многие филологи отрицают его существование. Но нельзя не учитывать, что индивидуально-авторские особенности речи того или иного писателя возникают на фоне общих особенностей художественного стиля.

В художественном стиле все подчинено цели создания образа при восприятии текста читателями. Этой цели служит не только использование писателем самых нужных, самых точных слов («Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды», — писал В. В. Маяковский), благодаря чему для художественного стиля характерен самый высокий индекс разнообразия лексики (отношение количества разных лексем к общему количеству слов текста), не только широкое использование выразительных возможностей языка (переносные значения слов, обновление метафор, фразеологизмов, сравнения, олицетворения и т. д.), но и особый подбор любых образно-значимых элементов языка: фонем и букв, грамматических форм,

¹ Социальная психология. М., 1975, с. 169.

синтаксических построений. Они создают фоновые впечатления, определенной образный настрой у читателей¹.

Основная форма художественного стиля — письменная. Поэтому даже в стихе, рассчитанном на чтение вслух, играют роль не только звуки, но и буквы².

Все рассмотренные нами стили имеют нечто общее: они используются преимущественно в письменной форме и представляют собой заранее подготовленную речь. Поэтому они получили общее название книжных стилей или стилей книжной речи. При создании текстов, отражающих любой из названных стилей, необходима высокая степень заботы о форме выражения. Не только писатели, но и публицисты, ученые должны уделять особое внимание используемому слову. Не менее, а еще более ответственно создание закона, написание дипломатической ноты, также требующих многократных перестроек текста, поисков самых точных, самых удачных для этого слов.

Отсутствие заботы о форме выражения мыслей характерно для разговорного, или, как его еще называют, обиходно-бытового стиля. Обиходно-бытовой (разговорный) стиль используется в неофициальной обстановке. Степень подготовленности речи может быть различной (от спонтанности речи в непосредственном общении-разговоре до написания письма с черновиком). Но никогда она не достигает степени подготовленности книжных стилей. Это приводит к тому, что фактически неиспользованными оказываются многие возможности языка, не реализуется его синонимическое богатство, невольно упрощается синтаксис, допускаются речевые неточности, а подчас и ошибки. Эти особенности неофициальной речи наиболее ярко выражены в условиях непосредственного общения, когда человек в буквальном смысле слова не имеет ни секунды для подготовки своей речи. Речь в условиях непосредственного общения получила название разговорной речи³. В недавно изданной энциклопедии «Русский язык» (М., 1979) дана следующая характеристика разговорной речи: «Разговорная речь — специфическая разновидность литературного языка, употребляемая в условиях непринужденного об-

¹ В последнее время появилось довольно много работ, изучающих эту сторону художественной речи, в том числе исследования А. П. Журавлева, посвященные анализу фонетического значения, Н. В. Черемисиной, выявляющие особый смысл синтаксических построений и т. д.

² См., например: Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.

³ Между лингвистами ведется терминологический спор о сущности разговорной речи, в ходе которого выдвигаются различные определения этой разновидности литературного языка (устная речь, спонтанная речь, непринужденная речь при неофициальных отношениях между говорящими и т. д.). Автору этого пособия более точным кажется указание на непосредственность общения при пользовании разговорной речью.

шения и противопоставленная (в пределах литературного языка) кодифицированной книжной речи». Разговорная речь — это устная, диалогическая, непринужденная, персонально адресованная, неофициальная речь. От разговорного стиля она отличается обязательностью устной формы, тогда как разговорный стиль возможен и в письменной форме (бытовые письма, дневники). Условия, в которых используется разговорная речь, определяют ее специфику (см. далее, с. 20—58).

Специальное изучение разговорной речи и ее особенностей началось сравнительно недавно, когда появилась возможность механически достаточно точно фиксировать живую речь. В настоящее время накоплен большой материал, постоянно исследуемый, создано много статей и достаточно фундаментальных работ, посвященных разговорной речи, появились даже первые учебные пособия для студентов и для тех, кто изучает русский язык как иностранный, публикуются записанные тексты разговорной речи (см.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978).

Различия между стилями отражают все стороны языковой системы. По одним явлениям все книжные стили противопоставлены обиходно-бытовому, по другим — все стили противопоставлены художественному и т. д., но в целом каждый стиль представляет особую систему. Дело не только в том, что в стилях языка используется разная лексика, разное количество существительных или прилагательных (например, на каждую 1000 слов в научном стиле приходится около 370 существительных, в художественном — около 290, в разговорном — 130 и т. д.), тех или иных синтаксических конструкций. Каждый стиль связан со своим типом работы сознания (познавательное-обобщающее, т. е. понятийно-логическое; изобразительно-выразительное — образное; информативно-эмоциональное и т. д.), со своим объектом познания (действительность, социальная структура, объект регулирования, среда общения, средное моделирование переживания действительности человеком)¹. Эти различия между стилями можно назвать глубинными. Пронаблюдайте для примера, как меняется не только форма выражения, но и тип работы сознания, объект познания, фактическая тема сообщения в следующих отрывках с кажущейся тождественностью содержания.

1. Больной П., 64 лет, поступил в клинику 5/IV 1955 г. с жалобами на боли в правой половине грудной клетки колющего характера, усиливающиеся при вдохе, выраженную одышку, из-за которой не может лежать. (История болезни.)

¹ См.: Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка. — Вопросы стилистики. Вып. 14. Саратов, 1978, с. 115—117.

II. *Вчера к нам привезли старика. Задыхается, лежать совсем не может. Да еще боли в боку. Колет, говорит, лежать не могу. Замучилась с ним!* (Рассказ врача, адресованный своим домашним.)

Различия связаны не только с лексикой (*поступил — привезли, в клинику — к нам, одышка — задыхается* и т. д.), характером предложений (сложное предложение с причастным оборотом в тексте I и ряд коротких простых предложений в тексте II) и т. д. Здесь явно видны разные темы сообщений: в истории болезни — симптомы болезни — познание действительности; в рассказе врача — прежде всего объяснение своей усталости. Эти тексты — результат работы разных типов сознания (познавательное-обобщающее, понятийное и информативно-эмоциональное). История болезни ориентирована на специально подготовленных лиц — коллег, она пишется с расчетом на прочтение и через годы, поэтому должна составляться по определенной схеме, все полнозначные слова в ней терминированы. Рассказ врача свободен от схем, так как ориентирован на близких, симптомы болезни в нем переданы не как самоцель, а через эмоционально-индивидуальное восприятие. История болезни содержит значительно более точную информацию о болезни, рассказ врача эмоционален, передает не симптомы болезни, а состояние больного, раскрывает причины усталости рассказчика.

С этими глубинными различиями стилей связаны их чисто языковые различия. Лексически стили различаются индексами разнообразия, частотностью тех или иных разрядов слов и, главное, их семантическими свойствами: стремление к однозначности, строгой закреплённости значения в научном стиле; обновлению значения, свежести выражения — в художественном; возможность ситуативной окказиональности — в разговорном; предельная обобщённость значения каждого слова в научном стиле противостоит конкретизированной предметной соотнесённости даже местоимений в разговорной речи: *Зубная боль. Основной симптом при поражении зуба.* (Медицинский справочник.) — *Зуб болит* (т. е. определенный, конкретный), *а ему наплевать* (т. е. мужу, опять-таки совершенно конкретному человеку).

В морфологии различия связаны с тем, как используются те или иные грамматические значения слов и словоформы (падежные словоформы, глагольные формы времени и т. д.), сами части речи, как используются разные грамматические значения той или иной формы (скажем, формы настоящего времени или формы родительного падежа). Полный отказ от использования каких-либо форм — явление редкое (хотя следует отметить, что в разговорном стиле фактически нет причастий и деепричастий).

Наиболее ярко стилевые различия проявляются в синтак-

сисе (использование страдательных оборотов, причастных и деепричастных оборотов, словосочетаний разных типов и т. д.).

Но главные различия — это глубинные. С разными объектами познания связана фактическая невозможность выбора функционального стиля при сохранении одного и того же содержания речи. Бытующее представление о возможности такого выбора неверно. Именно поэтому смешным и неуместным оказывается наукообразное изложение способов приготовления пищи, уборки помещения, расстановки мебели и т. д., адресованное «молодым хозяйкам», «для дома, для семьи», т. е. предназначенное для использования в повседневной жизни, в неофициальной сфере. Такие наукообразные описания вызывают справедливую критическую реакцию у читателя, поскольку то, что адресовано хозяйке, составляет повседневную сферу общения и не требует работы познавательно-обобщающего типа сознания, не направлено на познание действительности, как это свойственно научному стилю.

Культура речи предусматривает владение всеми функциональными стилями, умение уместно их использовать. Задача школы — выработать у учеников это умение. Ориентация только на один стиль не способствует выработке такого умения. В школьном преподавании русского языка по традиции основное внимание уделяется текстам и примерам из художественной литературы. Конечно, произведения классиков русской литературы и советских писателей — замечательные образцы владения языком. Но при этом необходимо помнить, что художественная литература не дает возможности освоить нормы научного, делового и публицистического стилей. Художественный стиль демонстрирует высшие достижения в использовании языка, но не составляет всего литературного языка. Художественным стилем невозможно написать учебник, запатентовать изобретения, оформить доверенность, даже написать обзор или передовую статью в газету.

У многих наших писателей есть не только художественные произведения. А. С. Пушкин написал не только «Капитанскую дочку», но и «Историю Пугачева». М. Горький, М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов, Л. М. Леонов не только писатели, но и замечательные публицисты. Даже элементарное сравнение художественных произведений и газетных статей одного и того же писателя, «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» показывает разницу стилей. Так, в «Капитанской дочке» на 1000 существительных приходится 91 притяжательное местоимение (в «Пиковой даме» — 98, «Дубровском» — 106), а в «Истории Пугачева» — 33. У М. Горького в тексте одного и того же объема в авторской речи художественных произведений 26—27 страдательных оборотов, а в публицистических — 80—86, а у М. А. Шолохова соответственно 27 и 50 и т. д. Местоимений на 10 000 слов у К. М. Симонова соответственно

674 и 893, у Л. М. Леонова 520 и 821, у М. А. Шолохова 470 и 874 и т. д. Следовательно, писатели используют художественный стиль не всегда, а только при написании романов, повестей, рассказов, т. е. художественных произведений.

К сожалению, не все знают об этих различиях. Иногда по старой традиции художественные и газетные, научные и деловые тексты противопоставляются как хорошие и плохие, что совершенно недопустимо. Художественный стиль так же непригоден для науки и делопроизводства, как деловой и научный стили для художественного произведения.

Образная система художественной речи создает возможность разного индивидуального восприятия. Всем известны споры не только читателей, но даже литературоведов по поводу образа Луки в пьесе М. Горького «На дне», Каренина в «Анне Карениной» Л. Толстого. Дело в том, что при чтении художественного произведения у читателя создаются образы, возникающие на основе как текста произведения, так и личного опыта самого читающего. Поэтому одно и то же произведение по-разному воспринимается даже одним человеком в разные возрастные периоды, в разных условиях. Допустима ли такая разница в восприятии научной информации?! Можно ли издавать законы в формулировках, допускающих разные толкования?!

То, что хорошо в одном стиле, плохо в другом. Единого критерия хорошей речи не существует. Говорить так, как писали Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, нельзя, не нужно, и сами они, конечно, не говорили так, как писали. И дело не только в использовании соответствующего стиля (не художественного, а разговорного), но в разных формах речи. Даже в пределах одного стиля письменная и устная формы различаются.

ИНСТИТУТЫ

ПИСЬМЕННАЯ И УСТНАЯ ФОРМЫ РЕЧИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Письменная и устная формы речи имеют разную материальную основу: движущиеся слои воздуха (звуки) — в устной речи и краска (буквы) — в письменной речи. С этим различием связаны богатые интонационные возможности устной речи и отсутствие таковых в письменной речи. Интонация создается мелодикой речи, местом логического ударения (в начале, середине или конце фразы), его силой, изменениями в интенсивности (громкости), степенью четкости произношения, наличием или отсутствием пауз. Письменная речь не в состоянии передать все это. В ее распоряжении только знаки пунктуации, которые нельзя назвать даже бледной тенью интонационного разнообразия речи. Наша система знаков препинания основана на передаче синтаксической, а не интонационной

структуры фразы. Место и сила логического ударения, мелодика, интенсивность и четкость произнесения на письме не выражаются, речевые паузы и запятые бывают связаны очень редко, обычно пауза тоже никак не обозначена. Поэтому в письменной речи интонация подсказывается расположением слов, учетом их смысла, использованием частиц (ср.: *Он приехал* — ударным может быть любое слово; *Даже он приехал* — ударным может быть только *он*), но задуманная автором и воспроизведенная на письме интонация далеко не всегда совпадают, о чем свидетельствуют различия в чтении одного и того же текста мастерами слова.

В устной речи интонация — языковое средство передачи смысла, в письменной речи она может быть только производным, не самостоятельным явлением. С этим различием форм речи связаны различия в нормах расположения слов, в функциях порядка слов, в использовании тех или иных конструкций (так, в письменной форме английского языка вопрос оформляется грамматически, тогда как в устной форме он может быть и чисто интонационным).

Вместе с тем в устной речи нет таких средств письменной формы, как кавычки, прописная буква, что может породить затруднения при восприятии на слух письменного текста (*гранительщик алмазов, председатель правления компании «Кобе Сэйко» Асада, Мы видели «Следы на снегу»*)¹. Необходимо учитывать и возможность омофонии (*луг — лук, отваришь — отворить* и т. д.), исчезающей в письменной форме.

Использование письменной формы означает возможность продумывания речи, перестроек предложения, замены слов, их длительного поиска, даже обращения к словарям и справочникам. Устная форма речи все это исключает. Известный советский методист Т. А. Ладыженская в качестве одного из четырех различий устной и письменной речи указывает на то, что «говорящий говорит набело, исправляя по ходу изложения лишь то, что сумеет заметить в процессе речи. — Пишущий может возвратиться к написанному, совершенствовать его многократно»². Говорящий как бы оказывается в своеобразном цейтноте: у него нет времени на продумывание фразы, он вынужден мыслить и говорить одновременно. С этим связан ряд явлений, характерных для устной речи: меньшая лексическая точность, синтаксические ограничения длины и сложности словосочетаний и предложений, отсутствие причастных и деепричастных оборотов, появление необычных для письменной речи конструкций, заполнителей пауз, наличие речевых ошибок.

¹ Подробнее см.: Зарва М. Слово в эфире. М., 1971, с. 45—60.

² Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М., 1975, с. 12.

Первые два отличия устной формы речи объединяют ее с произносимой вслух письменной речью (чтение письменного текста, радиоречь и т. д.). Третье отличие характеризует лишь речь, производимую в устной форме.

Таким образом, устная речь прежде всего делится на разговорную и неразговорную. Неразговорная устная речь в свою очередь может быть разделена по принципу стилевой принадлежности на научную (научная дискуссия; в какой-то мере к ней может быть отнесена речь учителя при объяснении нового материала и речь школьника во время развернутого ответа по какой-либо теме), публицистическую (публичная лекция, выступление на собрании), деловую (речь в судебном процессе, деловые переговоры диспетчера с пилотом, машинистом и т. д.), художественную (устные рассказы, анекдоты).

В современном советском языкознании некоторые лингвисты (Е. А. Земская, Е. Н. Ширяев) выделяют в неразговорной (официальной) устной речи публичную речь (один говорящий и много слушающих) и непубличную (официальную, но лично адресованную, персональную, с меной ролей говорящий/слушающий)¹. Во многом это деление совпадает с делением на монологическую речь, которая значительно ближе к письменной речи, характеризуется своей организованностью, целостностью (см. подробнее с. 68, 72), и диалогическую, в которой даже в официальных условиях обнаруживается очень большая близость к разговорной речи. Поскольку истинный монолог возможен только в официальной обстановке, а мена ролей говорящий/слушающий очень важна для организации речи, можно считать деление устной речи на монологическую и диалогическую наиболее важным. Публичная речь является, как правило, монологической (мена ролей говорящий/слушающий невозможна). Это кодифицированная речь с отдельными отклонениями за счет устной формы. В диалогической официальной речи (служебные разговоры, разговоры незнакомых лиц и т. д.) возможны и разговорные построения. Так, например, в телевизионной передаче «Детектив без детектива» зафиксированы в магнитофонной записи официальные деловые переговоры дежурного МУРа с оперативными группами: *Проследуйте Арбатская площадь: магазин «Молоко» сработала сигнализация.* В этих предложениях в нарушение норм официальной речи использованы построения с именительным падежом, считающиеся специфически разговорными (ср. кодифицированное: *Проследуйте на Арбатскую площадь: в магазине «Молоко» сработала сигнализация*). Речевые ошибки такого рода обычно даже не замечаются.

¹ См.: Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — Вопросы языкознания, 1980, № 2, с. 62—63.

Более того, в деловых же переговорах диспетчера с пилотом нормативны короткие предложения, часто неполные и даже непонятные постороннему (*Установите связь с вышкой; Сорок один ноль-ноль четыре, занятие тысячи пятьсот доложите*) и ненормативны длинные фразы, так как они не могут быть восприняты полностью¹.

Поскольку устная форма речи прежде всего и чаще всего связана с разговорным стилем (разговорная речь) и гораздо реже используется в других стилях, на ней особенно сильно сказывается влияние разговорной речи, даже если это речь монологическая, официальная и даже публичная. Влияние разговорной речи, значительная психолого-ситуативная (этот термин предложен и используется Т. А. Ладыженской) общность разных видов устной речи приводят даже к спорам ученых о существенности или несущественности противопоставления разговорной и неразговорной устной речи.

Действительно, для всякой устной речи характерно почти полное отсутствие деепричастных и причастных оборотов, сложность синтаксиса. См., например, речь В. И. Ленина на рабочей конференции Пресненского района: «Появились учредилوصы в Самаре, в Сибири. Теперь их оттуда выгоняют и показывают им, что либо власть помещиков, либо власть большевиков. Серединки быть не может. Либо власть угнетенных, либо власть угнетателей. Только за нами может пойти все беднейшее крестьянство»².

Сопоставьте с этим отрывком из речи фрагмент текста статьи В. И. Ленина «О временном революционном правительстве»: «В предыдущей статье, разобрав историческую справку Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно делает общие и принципиальные выводы на основании слов Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной ситуации Германии в 1850 году»³ — и отрывок из газетного отчета о выступлении В. И. Ленина: «События последних недель в Австрии и Германии, — начал свою речь товарищ Ленин, — показали, что в оценке международного положения мы были правы, строя нашу политику на точном, ясном и правильном учете всех последствий четырехлетней войны, которая превратилась из войны капиталистов за дележ добычи в войну их с пролетариатом всех стран»⁴. Можно только пожалеть, что большинство выступлений В. И. Ленина дошло до нас даже не в стенограммах, а в газетных отчетах и протокольных записях, не передающих его ораторского мастерства.

¹ См.: Теория речевой деятельности. М., 1968, с. 96 (примеры взяты оттуда же).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 380.

³ Там же, т. 10, с. 241.

⁴ Там же, т. 37, с. 341.

Даже в блестящей монологической речи возможны погрешности («*Могу не знать или плохо выразиться на каком-либо чужом языке, это уже препона, но препона является двойственная*»¹), негладкие конструкции, лишние слова. См., например, из магнитофонной записи лекции преподавателя института, привыкшего публично говорить: *Значение времени причастия относительное. Ведется отсчет или точкой отсчета является грамматическое время самого предложения. Причем временной план всего предложения может меняться: цветы затоптаны, цветы были затоптаны, цветы будут затоптаны — а вот это действие, выраженное причастием, или процессуальный признак, он по значению времени остается одинаковым <...>. То есть краткие страдательные причастия имеют категорию времени, и эта категория времени, форма времени имеет обычно соотносительную, даже всегда можно сказать имеет относительное значение.*

Конечно, это ошибки речи. Вряд ли можно признать их нормативными для любой устной речи. Но ошибки такого рода обычно не замечаются слушателями. Они связаны с условиями «говоримой» речи. Ошибками такого рода объясняется тот факт, что ни одна стенограмма устного выступления (или его магнитофонная запись) не может быть напечатана без исправления². Именно это отметил В. И. Ленин в предисловии к брошюре «К вопросу о новой экономической политике (Две старые статьи и одно еще более старое послесловие)», когда писал: «...Я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит, судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал»³.

Конечно, было бы лучше, если бы никаких погрешностей в устных выступлениях, в лекциях не было, но если лектор не читает, а говорит, речь без погрешностей почти невозможна. А воздействует на слушателя, воспринимается им «говоримая» речь гораздо лучше, чем читаемая. Не случайно высказывалось пожелание о том, что лекция в вузе должна быть живой, не читалась бы по написанному, ибо живая речь более активно воздействует на слушателя.

¹ Луначарский А. В. Из речи при открытии Института живого слова. — В кн.: Об ораторском искусстве. М., 1973, с. 307.

² Однако правы Е. А. Земская и Е. Н. Ширяев, подчеркивающие, что «системная основа устного публичного текста при таком редактировании остается неизменной, все изменения очевидны и вполне однозначны» в отличие от неоднозначного перевода с разговорной речи на кодифицированный литературный язык. Подробнее см.: Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — Вопросы языкознания, 1980, № 2, с. 70—71.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 247.

Однако не все присущие разговорной речи явления допустимы в официальной устной речи, многое засоряет ее, мешает пониманию (подробнее см. с. 56, 71). Не случайно Т. А. Ладыженская, отмечая близость монологической устной речи и речи разговорной, подчеркивая в то же время отличия устной речи от письменной, считает необходимым «научить детей пользоваться в устной речи формами и структурами книжной речи»¹.

Значительно более грубым нарушением культуры речи является влияние устной речи на письменную.

Нередко в письменных работах школьников и даже абитуриентов встречаются фразы, появившиеся в результате неразличения устной и письменной формы речи: *В короткий срок хозяйство народное было полностью восстановлено; Она живет жизнью миллионов жен рабочих фабричных.* Такой порядок слов, возможный в устной форме речи, недопустим в письменной речи. Такого же происхождения часто приводимые в пособиях по культуре речи ошибки типа: *На строительстве молодежи более чем полторы тысячи человек*² и т. д. Во всех этих случаях в письменную форму попадает без переделки то, что было в слух или мысленно произнесено.

В приведенном примере в устной речи неправильное понимание, двусмысленность конструкции, возникающая в письменной форме, исключена паузой после слов *на строительстве*, не позволяющей объединить в словосочетании: *На строительстве и молодежи.*

Невнимание к различиям устной и письменной формы мстит и говорящему и пишущему. Вместе с тем, для того чтобы предостеречь учащихся от такого рода ошибок, следует объяснить, чем обусловлена та или иная неправильность, а для этого учитель должен хорошо знать не только нормы письменной речи с их варьированием по стилям³, но и нормы устной, прежде всего разговорной речи.

Описанию особенностей разговорной (и вообще устной) речи и посвящена основная часть настоящей книги.

¹ Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М., 1975, с. 21.

² См.: Мамонов В. А., Розенталь Д. Э. Практическая стилистика современного русского языка. М., 1957, с. 98.

³ Так, например, на уроках русского языка в IV классе школьники узнают, что существительные, обозначающие названия веществ, качеств, имеют только форму единственного числа, а на уроках химии говорят о *кислотах, щелочах*, на уроках физики — о *плотностях*, позднее встретятся *стоимости, температуры, деятельности, максимумы* и т. д., так как нормы научной речи иные. См.: Кожина М. Н. О необходимости расширения объекта лингвистических исследований. — В кн.: Вопросы стилистики. Вып. 5. Саратов, 1972.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь используется в тех случаях, когда существует неподготовленность речевого акта, непринужденность речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте¹. Непосредственность общения исключает письменную форму речи, а непринужденность типична лишь для неофициального общения, поэтому разговорная речь — это устная неофициальная речь.

Филологи обсуждают вопрос о том, какой именно фактор разговорной речи является определяющим ее сущность, о границах разговорной речи. Но несомненным остается то, что особенности разговорной речи наиболее ярко выражаются при общении родственников, друзей, близких знакомых и менее ярко при общении случайно встретившихся незнакомых людей. Это свойство разговорной речи можно назвать персональностью общения (человек обращается персонально к Ивану или Петру, интересы которых, возможности понимания и т. д. ему хорошо известны). Более ярко особенности разговорной речи проявляются также в тех случаях, когда разговаривающие не только слышат, но и видят друг друга, те предметы, о которых идет речь, и менее ярко — в разговорах по телефону. Это свойство разговорной речи можно назвать ситуативностью общения (опора на ситуацию, использование для передачи информации не только слов и интонации, но также мимики, жестов).

В тех случаях, когда разговор происходит между мало знакомыми или совсем незнакомыми людьми или исключено использование мимики и жестов (разговор по телефону), разговорная речь теряет ряд своих характерных черт. Это как бы периферия разговорной речи.

Периферия разговорной речи и неразговорная устная речь часто трудноразличимы. У разговорной речи много общего с целитературной речью (диалектной речью, различными жаргонами), поскольку их объединяет устная форма, неподготовленность, неофициальность и непосредственность общения. Но

¹ См.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 9.

диалекты и жаргоны (а также просторечие) находятся за пределами литературного языка, а разговорная речь — одна из его функциональных разновидностей.

Разговорная речь в отличие от других разновидностей литературного языка — речь некодифицированная¹, поэтому при использовании разговорной речи не возникает вопроса о допустимости или недопустимости употребления той или иной грамматической формы, конструкции и т. д. Говорящий свободен в изобретении новообразований (*Стихи нельзя шепотно читать; Смотренье сегодня есть по телевизору?*), в использовании неточных обозначений: *Приехали с этими... скафандрами что ли* (вместо *противогазами*), «*Седа*» (второе блюдо, сделанное из курицы с луком и томатом по рецепту женщины по имени *Седа*). Он может подчас употребить и нелитературное словечко из-за его экспрессивности (*мура*) и перестроить фразу на ходу (*У него не было никакого отношения к лингвистике Багрин не имел*).

Однако все это не означает полной свободы. Разговорная речь — некодифицированная, но нормированная разновидность литературного языка. Нормы разговорной речи основываются на тех ее особенностях, которые широко распространены в речи культурных носителей русского языка и не вызывают осуждения в условиях разговора. Нарушает нормы разговорной речи использование жаргонизмов (*А ты куда хилишь?*), недопустимых в литературном языке выражений (*ругательства*), безграмотных оборотов типа *Я Вас ни грамма не задержала; Она всю дорогу худая*. Разумеется, за пределами норм разговорной речи оказываются диалектные ошибки произношения (*с'астрá*), словоупотребления (*чапельник* вместо *сковородник*) и т. д. Это нормы разговорной речи как разновидности литературного языка.

Но есть нормы, присущие разговорной речи и отличающие ее от других разновидностей литературного языка. Так, нормативны для разговорной речи неполные ответы и ненормативны (хотя могут встретиться) полные ответы; нормативно коллективно замкнутое обозначение предметов, учреждений, районов города и т. д. *Он за Шариком живет*, т. е. дальше того места, где расположен завод шарикоподшипников). И ненормативны официальные развернутые обозначения (*универсальная паровая соковарка, клей канцелярский, казеиновый*) и названия (*Саратовский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. Н. Г. Чернышевского*). Рассмотрим последова-

¹ Кодификация нормы — изложение (формулировка) совокупности правил, обеспечивающих регулярное воспроизведение в речи образцового варианта языка. См.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 198.

тельно фонетические нормы разговорной речи, а также лексические, морфологические и синтаксические особенности, присущие ей.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ НОРМЫ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В отличие от фонетических норм официальной литературной речи разговорная речь характеризуется значительно меньшей четкостью произношения. В связи с тем что, как правило, сообщается о знакомых, известных собеседнику фактах, говорящий не напрягает свои органы речи. Каждый учитель прекрасно знает по своему опыту, что при болезни горла, кашле ему гораздо труднее говорить на уроке, чем дома. Официальная речь для целого класса вызывает боль в горле и кашель, так как требует большей четкости произношения, т. е. напряжения соответствующих мышц. Аналогично наблюдается при разговоре по телефону (отсутствие зрительного восприятия собеседника также требует большей четкости произношения).

В домашней неофициальной обстановке, когда собеседники понимают друг друга буквально с полуслова, в особом напряжении органов речи нет нужды. Звуки произносятся нечетко, концы слов и особенно фраз проглатываются, произношение многих слов настолько упрощается, что выпадают целые слоги (*теперь* вместо *теперь*, *гэрт* вместо *говорит*). Такая нечеткость произношения может приводить к ослышкам и недослышкам: *А какой оклад ей положили?* (было услышано как «Сколько сахару положить»), *У меня тут фартук* (было слышно как «У меня инфаркт») и т. д. Такие факты неправильного восприятия сказанного редки не потому, что обычно четкость произношения достаточна (при прослушивании магнитофонных записей разговорной речи ослышки возникают постоянно), и не потому, что в языке мало похожих слов (магнитофонные записи расшифровываются), а потому, что собеседники знают, о чем идет речь.

Даже в дикторской четкой речи почти невозможно различить фразы *А где же ребенок?* и *А где жеребенок?*¹, но в реальных разговорах такого неразличения не бывает, так как смысл подсказывается ситуацией, общей темой разговора. Собеседник знает, о ребенке или о жеребенке идет речь. Расширение круга слушателей, обращение к незнакомым лицам приводят к тому, что такого понимания с полуслова, основанного не на услышанном, а на общем с говорящим знании факта, быть уже не может. Именно поэтому официальная обстановка, тем более условия публичной речи требуют большей четкости произношения, большего напряжения органов речи. Этому, конечно, надо

¹ См. ряд подобных примеров в книге: Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М., 1963, с. 144.

учить. Ребенок привык, что его понимают, несмотря на недостатки произношения, что он понимает взрослых, «глютающих» концы фраз, «съедающих» слоги, звуки. Он просто не может понять, что в классе, где его слушают 45 человек, а не один-два, как в неофициальной обстановке, надо говорить иначе, чем дома. С первых же дней обучения в школе ребенок должен сознательно осваивать нормы официальной речи.

Кроме нечеткости произношения, недопустимой в официальной речи, разговорная речь отличается своей ритмизованностью. Для разговорной речи характерно чередование ударных и безударных сегментов речи, видимо основанное на физиологическом ритме дыхания. В официальной речи каждое полнозначное слово имеет свое ударение и составляет отдельный такт. В разговорной речи многие слова фактически теряют ударение, произносятся очень кратко и нечетко¹, объединяясь с ударным словом в один такт. Так, фраза *Мы сегодня были в кино* обычно состоит всего из двух тактов (*Мы с'ьн'и/ был'ифк'ино*). В разговорной речи, как показал анализ, безударными могут быть даже многосложные слова. Именно безударные (или слабоударные) слова произносятся очень нечетливо, неразборчиво.

Ритмичность разговорной речи возникает не только за счет безударности тех слов, которые не являются для собеседника важными, информативными (в приведенной фразе *сегодня и были*), но и за счет слов с точки зрения письменной речи лишних. Это бесконечные *вот, ну, это, это самое, вообще, там*, использование в речи некоторых лиц одних и тех же вводных слов (*значит, так сказать, знаешь, понимаешь* и т. д.): *Потом прихожу к врачу в детскую консультацию... и говорю, что вот один мне советует то-то и то-то в смысле... а вот говорю вообще читаю Спока. А он говорит — а Вы Спока не читайте. Ну это кошмар, кошмар.* Приведем пример, заимствованный из книги «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1978, с. 163—164). Е. А. *Где же Вы были когда объявили вот все уже подсчитано было?*

А. *Это-то было...*

Е. *Самый такой трагический момент?*

А. *Нет это было... У нас же там в аудитории в открытой /всем... кому хочет (тс?) все заходи/.*

Е. Я. *Понимаю/нет/ я говорю/ они-то все были рядом? Да? В случае чего/сознание потеряешь/ (смеется).*

А. (нрзбр.) *были/ /*

А. *Нет, но, мой (нрзбр.) вот этот мой оппонент.*

Интонация фраз в разговорной речи резко отличается от официальной речи. Обычно, находясь в соседней комнате,

¹ См. фонетически затранскрибированные тексты в кн.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.

не видя тех, кто разговаривает, и не разбирая слов, только по интонации можно определить, с кем идет разговор: с близкими, родственниками или с гостем (особенно если отношения с ним официальные). Официальная речь менее ритмизована, в ней меньше безударных слов.

Еще сильнее отличается интонация разговорной речи от интонаций читаемого вслух письменного текста. В письменной речи интонация прозы, как правило, не ритмизована, но однотипна: ударное слово (слово с логическим ударением) оказывается в конце предложения. См., например, текст, приведенный в учебнике русского языка для VII—VIII классов (М., 1982) на с. 35: *На широкой улице стоял грузовик. Люди работали спокойно споро, молчаливо. А в сторонке стояли юноша и девушка и разговаривали увлеченно и беззаботно.*

В разговорной речи интонация ритмизована, но разнотипна: ударное слово занимает по начальное, то срединное, то конечное положение: *Теперь прививки делать начнут. Температура будет... Не знаю, не знаю. Дети — это цветы. Я уже не знаю, что с ним делать. Потом это такая проблема, там же газа нет.*

Школьники не учитывают, да и не могут учитывать, этой разницы интонаций и часто переносят в свои письменные работы интонации разговорной речи, которые в письменной форме просто не передаются, а воспринимаются как неумение построить текст. Подробно подобные ошибки будут разобраны в разделе о порядке слов. Пока важно только отметить, что интонирование разговорной речи принципиально отличается от интонирования при чтении. Кстати, от чтения отличается и устная официальная речь. Стоит прислушаться к интонациям дикторской речи (скажем, телепередачи «Время» или радиопередачи «Последние известия») и речи политических обозревателей (передачи «Сегодня в мире», «Международный дневник» и т. д.), чтобы заметить эти различия. Не глядя на экран телевизора, легко определить, кто из международных обозревателей говорит или читает текст¹. Различия в построении предложений устной и письменной (читаемой) речи настолько велики, что на привычные школьникам интонации повседневной речи нельзя опираться ни при написании сочинений, ни при написании заметок в классную или школьную стенгазету. Ученикам об этом надо обязательно сказать. И уж во всяком случае указывать на ошибки в построении текста.

¹ Любопытно, что эти различия используются авторами детективных произведений. Так, в романе Агаты Кристи «Происшествие в Кингз Эббот» знаменитый сыщик Эркюль Пуаро разыскивает убийцу по интонации одной услышанной фразы, невозможной в разговоре, а следовательно, продиктованной в диктофон и воспроизведенной уже после смерти убитого.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь отличается от всех других разновидностей литературного языка своей относительной лексической бедностью. В условиях непосредственного общения, с одной стороны, нет возможности «перебирать тысячи тонн словесной руды», а с другой стороны, нет в этом необходимости. Дело в том, что пониманию высказываемого при неточности выражения помогут жесты, мимика, сами предметы, находящиеся в поле зрения говорящих. И самое главное — говорящий не заботится о форме выражения мыслей, так как уверен, что непонимания не произойдет: если не поймут, переспросят¹.

Например: А. Она поставила зачет, сказала, еще поставить номер читательского билета.

Б. Что-что поставить?

А. Сказала номер читательского билета. Ой, не читательского, а студенческого билета поставить.

Или:

А. Есть прекрасная вещь, между прочим, у этого...

Б. У Спока?

А. Нет, не у Спока.

Б. А-а, это я читала.

Такое отсутствие заботы о форме выражения может перерасти в языковую и духовную леность, приводящую к косноязычию: *Все дело в том, Лена, тут дело не в этом, тут дело самое главное заключается в том, что нужно, чтоб они были смежными; к засорению речи словами-паразитами: Сперва я достал современный такой офицерский ремень. Две дырочки там, клепочки, ну не клепочки, а две дырочки, значит, вставляются и застегиваются... Достал я марки, теперь, значит, встречаю Толю, Толю встречаю, а он, значит, мне говорит, понравились, что ему понравились марки. — У него ремент, что ль, был? — У него был... Обменялся я с ним, значит, на марки.* (Из разговора студентов).

Но даже в записях разговоров культурных людей, известных своей прекрасной устной официальной речью, встречаются частые повторения одних и тех же слов, «лишние» слова, весьма неточные выражения.

Например:

А. Вот у И. П., у них было так. У них вот в одной квартире, когда-то, было две комнаты. Жила мать, дочь и сын. В этих двух комнатах. Дочь вышла замуж.

Б. Это она?

А. Нет. Муж женился, вот на ней. На И. П. Ну сын женился. На И. П.

¹ Конечно, бывает и непонимание, приводящее к недоразумениям, даже обидам.

Б. Мм.

А. И. Вот, значит, в одной комнате оказались.

Б. Одна пара, потом другая пара...

А. Да. Одна пара, мать потом умерла, в другой комнате другая пара... и дети еще. И здесь тоже дети. Но при этом прописка у них была такая, что вот эта самая, значит, сестра была прописана в той же комнате, где И. П. (Из разговора лингвистов — преподавателей вуза.)

Для того чтобы убедиться, что это не исключение, достаточно познакомиться с записями, приведенными в книге «Русская разговорная речь. Тексты», где опубликованы тексты, сделанные на основе магнитофонных записей разговоров культурных москвичей и ленинградцев.

Как мы уже отмечали, в разговорной речи используется лишь ничтожная часть словарного богатства русского языка. Человек обходится нередко весьма невразумительными для постороннего, но вполне понятными для собеседника, хотя и незнаменательными словами. Например: *Наконец полпервого позвонили: заказ аннулирован. Это вот так вот было все, понимаешь?*, т. е. говорящий и изнервничался, и был возмущен до предела; *Такой грохот стоял! А я подумала: вот да!*, т. е. как же при таком грохоте делать магнитофонную запись разговора; *получил четыре, хотел пять, а вышло на тебе*, т. е. совсем не так, как хотел.

Обычно в разговоре почти не используются синонимические возможности русского языка. Так, материалы 100-тысячной картотеки русской разговорной речи, хранящейся в Саратовском государственном университете, показывают, что синонимические ряды «Словаря синонимов» в разговорной речи почти не представлены: большинство зафиксированных в картотеке рядов ограничено всего лишь одним компонентом, т. е. синонимы, фактически отсутствуют. Например: *цвет* (при отсутствии *краска, колер, окраска, окрас*), *целый* (при отсутствии *цельный, полный, круглый*), *хитрый* (при отсутствии *лукавый, плутоватый, плутовской*), *вид* (при отсутствии *облик, внешность, наружность, обличье, видимость*).

Нередко отсутствуют не только книжные, но и «разговорные» синонимы: *много* встретилось 90 раз, а *немало, без счета, через край* ни разу; *глупый* зафиксировано 5 раз, а *неумный, недалекий, безголовый, пустоголовый, безмозглый* — ни разу.

В тех случаях, когда в картотеке зафиксирован синонимический ряд (обычно всего из двух, очень редко трех компонентов), употребителен бывает лишь один его компонент. Например, в словаре синонимов приведен синонимический ряд *громадный — огромный — колоссальный — гигантский — исполинский — грандиозный — циклопический*. В 100-тысячной картотеке 10 раз отмечено *огромный* и только один раз *громадный*. При 138 случаях употребления *хороший*, лишь по одному разу зафикси-

рован славный и добрый (в значении 'хороший'), при 50—хочется только один раз охота и т. д.

Для разговорной речи характерно употребление самых обычных, самых распространенных слов. То, что эти слова слишком общи по значению, а подчас даже не совсем точно раскрывают суть сообщаемого, объясняется тем, что говорящие используют дополнительные средства: интонацию, жесты, мимику, указание на те предметы, о которых идет речь. Например: — *Купил?* — *Да уж, стол так стол* (т. е. прекрасный, удобный, крапивый, большой — точное понимание возможно лишь при условии, что слышна интонация, известны вкусы и потребности говорящего или виден сам стол).

Словарная бедность разговорной речи, конечно, является ее недостатком. На уроках русского языка необходимо расширять активный словарный запас школьников, помогать им осваивать синонимическое богатство русского языка. Конечно, разговорная речь никогда не может достичь разнообразия, точности словоупотребления подготовленной речи. Но расширение словарного запаса человека очень важно. Бедность активного запаса словаря приводит к тому, что даже в старших классах в сочинениях встречаются немотивированное употребление нелитературной лексики (*Алексей вначале очень расстраивался, убивался*), неумение избежать одинаковых или однокоренных слов: *Жизнь Павла Корчагина нельзя описать другими словами, чем она была описана у Островского; Приходилось проходить через минные поля; Весь народ встал на восстановление городов.*

Беда заключается в том, что, привыкнув к дозволенности неточной речи в условиях неофициального непосредственного общения, школьники (а потом и взрослые) переносят эти привычки на официальную устную и даже на письменную речь.

Необходимо на уроках русского языка подчеркнуть, обратить внимание учащихся на недопустимость этого переноса, добиться осознания ими того, что к любому выступлению к любой письменной работе (даже если это письмо товарищу) необходимо готовиться, подбирать нужные слова, обращаться к словарям, а не полагаться на то, что русский язык — родной язык, «было бы что написать, а слова сами найдутся». Конечно, прежде всего надо знать, что написать. Но не менее важно и то, как написать. Умных людей гораздо больше, чем талантливых писателей. Писатель не тот, кто пишет, а тот, кто умеет словами изобразить, передать свои мысли, чувства и представления. Слова у писателя — то же, что краски у живописца, мрамор у скульптора. Но с красками и мрамором можно в жизни не столкнуться, а вот без умения пользоваться словами нет и человека. Писателем станет далеко не каждый, но научиться элементарно передавать свои мысли обязан каждый.

В разговорной речи допустимо использование слов, имеющих сиюминутное, случайное значение. Например: *Гамлет — Самыйлов, конечно слабый. — Конечно. — Очень слабый. Вообще какой-то танцующий даже; Ой, какая она прелестная/когда она амазонка в «Пепле»/Ты помнишь/с этими распущенными волосами/в этой шляпке/Нет/Ну я совершенно сдохла/И потом в «Пепле» мне очень нравится Пола Ракса¹. При переходе к официальной речи возникает настоятельная необходимость в поиске более точных обозначений того смысла, который вкладывал говорящий в слова *танцующий, сдохла*.*

Как отмечалось, в разговорной речи интонация помогает понять ответ на вопрос: — *Ваш сын отличник?* — *Отличник. Как же!* (т. е., наоборот, плохо учится). В письменной речи интонация не находит отражения, и ответ становится двусмысленным.

Итак, вынужденная условиями применения разговорной речи и допустимая в этих условиях, словарная бедность и неточность разговорной речи за ее пределами мешают пониманию сказанного. Учить школьников искать нужные, точные в каждом конкретном случае слова — одна из важнейших задач, стоящих перед учителем. Но для того чтобы школьник перебирал если не тысячи тонн, то хотя бы килограммы «словесной руды», надо, чтобы он осознавал, что это необходимо. Недопустимость в письменной речи того, что вполне допустимо в разговорной речи, необходимо показывать и доказывать на протяжении всех лет обучения в школе. Хорошим материалом для проведения такой работы является раздел школьного учебника русского языка, посвященный синонимии, а также сочинения по картине и т. д. Столь же важно проводить подобную работу и на уроках литературы. Сообщения на уроках, требование развернутых точных и четких ответов, языковой анализ отрывков из произведений русских классиков и советских писателей приучают к умению наблюдать, контролировать свою речь, искать нужное слово. Следует также сказать, что подобную работу над речью учащихся должны проводить все учителя, в особенности тех предметов, где необходим подробный рассказ (например, на уроках обществоведения, истории, географии, биологии).

Второй особенностью использования лексики в разговорной речи является потенциальная свобода словоупотребления. Мы уже говорили о возможностях употребления слов с неточным, приблизительным сиюминутным значением. Но в разговорной речи возможно также использование слов, созданных на данный случай (*хитромудрый*), слов, значение которых меняется по ходу разговора (у одного и того же говорящего *петрушка* —

¹ Пример из книги: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 130.

то сам говорящий в шляпке, которая ему не идет, то туберкулез, то анализы крови на протромбин: *Вот петрушка! Зеленый петрушка: А потом эту петрушку нашли; А как часто эту петрушку надо делать?*). Но особенно характерно употребление слов, названных авторами исследования «Русская разговорная речь» эрзацами. Словами-эрзацами являются все неточные словоупотребления, все приблизительные названия: *А куда ты низи дела? Низов было больше, чем верхов?* (речь идет о сборных книжных шкафах); *интересный какой пупсик* (о микрофоне).

Но если в разговоре употребление слов с изменяющимся в ходе беседы значением и слов-эрзацев допустимо, то в официальной устной и особенно письменной речи они должны быть заменены точными эквивалентами. Так, например, если в речи на концерте в честь Дня Советской милиции можно услышать: — *За последние годы состав милиции изменился возрастно*, то в газетной статье такая фраза невозможна из-за ее недостаточной точности.

Так, например, в семье могут называть словом *смотренье* интересные телепередачи (*Сегодня есть смотренье? На следующей неделе много смотрений*), а в среде студентов-русистов Саратовского государственного университета своих товарищей по романо-германскому отделению *ромашками*. В одних городах показывают, входя в автобус или троллейбус, *проездной* или *единый* (имеется в виду проездной или единый билет), в других, имея в виду те же билеты, — *карточку*. В одних городах в общественном транспорте передают деньги *на талоны*, в других — *на абонементы*, в третьих — *на книжечку*. В Саратове живут *на Шарике*, а в Ростове-на-Дону — *на ГПЗ* (и там и тут имеется в виду завод шарикоподшипников). Только один рынок в Саратове называют *Крытый рынок* или даже просто *Крытый*, хотя крытых рынков несколько. В пределах определенных коллективов эти слова всем понятны, но они непригодны для официальной речи, для речи за пределами данного коллектива. Подобные словечки имеют статус сугубо разговорных.

Конечно, бывают случаи превращений таких разговорных обозначений в привычные для более или менее широких коллективов. Так появились *вечерники* и *дневники* (студенты вечернего и дневного отделения), *заочники*, ставшие даже в полном нейтральными, допустимыми и за пределами разговорной речи. Но большинство узкоколлективных слов за пределы разговорной речи все же не выходит. И об этом следует помнить. Вряд ли можно употребить в официальной речи широко распространенное среди молодежи словечко *возникать* (в значении 'спорить, сердиться, возмущаться', т. е. бурно проявлять свою отрицательную реакцию на что-то: *Что ты все возникаешь. Я тебе говорю: не возникай!*).

Вместе с тем разговорная речь была и остается своеобразной кузницей языка. Много рождается в ней, а затем проникает и в общий литературный фонд языка. Так, уже давно вошли в русский словарь существительные *больной, знакомый*, образованные из словосочетаний *больной человек, знакомый человек*. Употребление таких прилагательных-существительных в официальной речи ограничено условием общепринятости. В разговорной речи фактически гораздо чаще, чем словосочетание, употребляется просто один из его компонентов: *Куда попутил? — В медицинский; В книжный Гоголя*. *В овощном арбузы, а за углом дыни продают; Я у Крытого сошла, а то народу больно много*. Такие компоненты словосочетаний, как *готовить (Она и готовит, и покупает все), сдавать (Сдала? — Сдала!)* уже вышли за пределы разговорной речи, стали общепонятными.

Однако для школьников важнее усвоить не возможности перехода разговорного в общелитературное, нейтральное, а необходимость противопоставления, отграничения разговорного от официального.

Условия разговорной речи порождают необычные для официальной речи обозначения (номинации) предметов. В официальной речи в состав предметных номинаций обязательно входит существительное, например *дом: красный дом; дом, который стоит на углу; дом на углу*. В разговорной речи используются и обозначения без существительных: *Дай что подставить (подставку под горячее) и т. д.* Подобных примеров приводится много в монографии «Русская разговорная речь» (например: *Поставить из чего пить; Не было чем колоть; Дай чем вытереться; Надо подшить на чем пеленки гладить* и т. д.¹).

Еще чаще в разговорной речи встречаются метонимии, не знающие ограничений кодифицированного литературного языка: *Завтра у нас кафедра* (т. е. заседание кафедры); *Он на техстекле живет* (т. е. в районе Завода техстекла); *Давай сливу откроем* (т. е. банку компота «Слива»); *После удаления, проходите* (т. е. проходите те, кто сидит после удаления зуба) и т. д.

За пределами разговорной речи такого рода метонимии и глагольные обозначения предметов встречаются гораздо реже. Кроме того, все они ограничены в употреблении. Так можно не только сказать, но и написать *Люблю Пушкина*, т. е. произведения Пушкина; *После прогулки ребенок обычно хорошо спит*. Однако можно только сказать, но не написать: *После Тулы я устроила переписку* (т. е. после того как познакомилась в Туле на конференции); *Возьми за серым Лермонтовым* (т. е. возьми за томиком произведений Лермонтова в сером переплете); *Тебе нравятся Туляки?* (т. е. выступления Тульского

¹ См.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 439—440.

театра, приехавшего на гастроли), А. Гоголя? (Московского театра им. Гоголя). Разница прежде всего в степени распространенности каждой конкретной метонимии, каждого упрощения. Широко распространившееся, привычное становится допустимым прежде всего в устной (даже неразговорной) и бытовой письменной речи (на *Техстекле получил квартиру*), а потом и нейтральным, общелитературным: *Когда я работаю над произведениями классической литературы; Работаю над Достоевским; Работаю над романом «Братья Карамазовы»*, т. е. над иллюстрациями к произведениям («Литературная газета» от 23 августа 1978 г., с. 8, статья «Неточка с Арбата»).

Учащимся важно не только показать наличие тех или иных метонимий в кодифицированных текстах, но и объяснить, почему недопустимо использование в письменной и вообще официальной речи обычных для разговорной речи метонимий.

В школьном учебнике русского языка разговорная речь характеризуется как область нередкого употребления разговорно-бытовых слов, которые придают речи непринужденный характер, позволяют выразить различные чувства (*вымахал, мешкать, окошко, сестричка, тоненький* и т. д.). Действительно, такого рода слова в разговорной речи не редкость: *Посмотри, как это будет здорово; Вчера они мне вымотали все нервы; И эта бедняжка, которая зарегистрирована; Я что-то накропала и дала машинистке* и т. д.

К сожалению, иногда наблюдается стремление противопоставить свою речь официальной книжной речи, что приводит к засорению речи грубыми словами, жаргонными словечками и даже ругательствами. Хотя вкрапления такого рода в разговорной речи допустимы, но в нормы ее нелитературная лексика не входит. Следует предостеречь школьников даже от нарочитого употребления нелитературных слов. Все эти нелитературные слова и словечки не придают речи ни выразительности, ни эмоциональности. Они лишь свидетельствуют о бедности лексикона, неумении четко и ясно выразить мысль.

Эмоциональность разговорной речи достигается специальным интонированием и без таких словечек (*Не едет, Таня, не едет!*, фактически означает нечто вроде: *Не едет, Таня, черт ее побери*¹). Поэтому в речи культурных людей «специальных» слов, выражающих эмоции говорящих, обычно немного. Основная масса слов разговорной речи — самые обычные, общелитературные нейтральные, а вовсе не особые «разговорные» словечки.

¹ Контекст такой:

— *Вы ее с собой?*

— *Не едет, Таня, не едет! Да я бы на два замка закрыла, я бы уехала. Никакими словами ее не могу убедить. И так, и по-хорошему. «Не поеду. Ты меня не уговаривай. Я не поеду. Все».*

Нарушением норм разговорной речи является и злоупотребление книжной лексикой. Хотя современная разговорная речь за последние десятилетия значительно пополнилась книжными словами (*объекты, детали, перспектива, питание, проинформировать, контактироваться, кадры* и т. д.)¹, многие из которых перестали восприниматься как нечто чуждое разговорной речи, все же при возможности выбора книжного или разговорного, книжного или нейтрального варианта следует предпочитать некнижные варианты. Примеры, приведенные современным исследователем стилистики русского языка Т. Г. Винокур в статье «Стилистическое развитие современной русской разговорной речи»², достаточно убедительно говорят о том, сколь чуждыми элементами в разговорной речи являются сугубо книжные слова или обороты, сколь нарушают они стиль, принятый говорящими, делают речь искусственной: *Ну, если нехорошо — мы эту складочку аннулируем. В случае чего контактируйте сь, пожалуйста, с Лидией Сергеевной* и т. д. (ср.: *уберем, свяжитесь* или *созвонитесь*).

Подобные нарушения норм разговорной речи — весьма частое явление. При этом они встречаются и в речи детей, которые во многом копируют взрослых. Под влиянием письменной и официальной речи взрослых книжные элементы, с одной стороны, обогащают детский лексикон, но, с другой стороны, не всегда используются ими уместно. Так, в магнитофонных записях разговоров школьников IX класса встречаются: *Простоя с четвертого класса приобщена к пионерской работе; Видим его пренебрежение к пионерской организации; Вот наш класс новый сформировался из двух классов; Недавно мы посетили классом театр; Если они по-настоящему дружат, спаянно; Хотелось бы видеть, чтобы дружба с каждым годом была все сплоченнее и лучше* и т. д.

В разговорах детей 12—13 лет: *У нас очень много проходило мероприятий. Можно сказать, что слишком много. Почти каждый день проходило мероприятие. И каждый раз после мероприятия мы готовились к следующему мероприятию; Первое мероприятие, которое у нас было, — это открытие лагеря. Весело очень было. Потом у нас проходили такие мероприятия, как КВН с первым и со вторым отрядом; Иногда бывает так, что на мероприятия ребята укладываются как-то, а здесь все ребята абсолютно мальчишки все были; на «Огоньке» у нас выступали мальчишки с номерами художественной самодеятельности,*

¹ См.: Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 33—38.

² Там же, с. 34.

исполняли танец «Лебединое озеро». Этот танец они сначала исполняли на КВН; Мне лично понравился танец девочек; Потом пошли осматривать лагерь. Ознакомились с постройками и т. д.¹.

Употребление книжных слов здесь явно неуместно, делает речь детей серой, невыразительной. Это тот канцелярит, о котором писал и против которого так выступал К. И. Чуковский. И виноваты в нем мы. Дело не только в том, что взрослые допускают в своей разговорной речи неуместные книжные слова и выражения. Важнее то, что мы не говорим или крайне редко говорим школьникам о той принципиальной разнице, которая существует в речи между официальным и неофициальным общением. Конечно, в приведенных выше примерах на речь детей влиял факт магнитофонной записи. Но важно то, что дети стремились говорить книжно, хотя шла неофициальная беседа. Это объясняется тем, что в представлении детей книжное всегда хорошее, всегда правильное.

Школа учит, хотя и недостаточно, что в письменной, в официальной речи недопустимы разговорные элементы: не картошка, моркошка, а картофель, морковь; не печенка, а печень, не вперед, а сначала; не ага, а да и т. д. Но вот тот факт, что далеко не все написанное, вычитанное в книге, газете, услышанное на уроке годится для разговора, остается неизвестным. В сознании школьника может возникнуть (и обычно возникает) представление, что образцовая речь — это речь письменная, на нее он и ориентируется, стремясь говорить культурно (*Я пожарю картофель и натру морковь для салата*).

Конечно, нет ничего страшного, если школьник говорит *Я пожарю картофель*, хотя в условиях неофициальной речи обычнее *картошка*. Но уж совсем плохо, если дети говорят так, как было приведено выше (*мероприятия, ознакомились* и т. д.), если они *общаются по телефону*, *посещают краеведческий музей истории*.

Правда, в школьных учебниках теперь приведены тексты с разговорными вкраплениями, диалогами. Однако, во-первых, это художественные диалоги (см. далее с. 75—79), во-вторых, в них представлена не столько литературная разговорная речь, сколько просторечие (*не тужи, шальный*) и даже диалектная речь (*намеднись, приключилось, козюли*), но совсем нет сопоставления, показывающего, как об одном и том же событии люди разговаривают, пишут в письме, рассказывают в официальной обстановке, в газетной статье и т. д. Даже в специальном разделе о стилях языка (а это уже материал VIII класса) о разговорной лексике говорится только как об осо-

¹ Пользуюсь случаем выразить огромную признательность А. К. Родиме, записавшей разговоры детей (200 тысяч слов) и подарившей эти записи Саратовскому государственному университету.

бой. Ничего не сказано о том, что не следует употреблять в разговоре те слова, которые вполне уместны в других стилях¹.

Для того чтобы разговорная речь детей не превращалась в штампованный слепок письменной речи, не надо прежде всего представлять письменную речь как образец для речи устной. Наоборот, следует всячески подчеркивать их принципиальные различия. То, что хорошо в заявлении (*прошу отпустить — можно выйти, уехать, отпустите меня, пожалуйста* и т. д.), не годится для устной просьбы, то, что хорошо в отчете (*мероприятие*), плохо в рассказе. Такие противопоставления важно проводить начиная с первых же месяцев обучения в школе. Очень удобны для этого работы с картинками, где сначала идет устный рассказ, а затем дается письменное описание. И вот тут-то учителю уместно обратить внимание детей на то, как при устном рассказе и его записи в тетрадях меняется и построение речи, и подбор слов (см. анализ разговорных ошибок в сочинениях, с. 58—67).

Одна из характерных особенностей разговорной речи — активное использование местоимений. В среднем на каждую 1000 слов в разговорной речи встречается 475 местоимений (существительных 130, а прилагательных всего 35). Ср. в научной речи: 62 местоимения при 369 существительных и 164 прилагательных².

Местоимения в разговорной речи не только заменяют уже употребленные существительные и прилагательные, но часто используются без опоры на контекст. Особенно это характерно для местоимения *такой*. Благодаря интонации это местоимение приобретает особую повышенную эмоциональность и либо служит просто усилителем (*Такой ужас! Такая прелесть! Такая приятная*), либо становится обозначением положительного качества (*Он такой человек!* — прекрасный, отзывчивый, добрый, умный, сильный; *А запах такой идет!* — дразнящий аппетит, приятный). Обобщенность значения местоимения, как видно из примеров, при этом сохраняется. Но для разговорной речи характерна ситуативная, а не контекстная конкретизация этой обобщенности. Ср. официальные: *Такой человек, как Медведев; Медведев — известный ученый. Такой человек заслуживает нашего внимания* и т. д. — и разговорное: *Медведев — такой человек!* Из ситуации, общего жизненного опыта собеседников им ясно, о каких примерно положительных качествах человека

¹ В учебнике русского языка для VII—VIII классов есть упражнение 562, где показано, как возникает комический эффект при столкновении слов разных стилей. Но это упражнение все же не предусматривает ту работу, о которой мы говорим.

² Эти данные приведены Э. А. Клочковой в статье «О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях русского языка» (Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968, с. 110—111).

идет речь. Конечно, возможно в разговорной речи и более обычное в нашем понимании использование местоимения такой: *Ты такой стол нигде не встречала в продаже?* — стол перед глазами собеседника; *Я вообще не видела в Баку таких полок никогда* — полки висят перед глазами собеседников; *И сколько такой стоит один набор?* и т. д. Здесь конкретизация не контекстная, а ситуативная, но в отличие от предшествующих примеров она такая же точная, как в неразговорной речи.

Однако в разговорной речи обычна и неточная конкретизация, рассчитанная на понимание собеседника: — *Я купила платье, ну, понимаешь, такое... — Каждодневное?* — Да¹.

Неточная конкретизация, рассчитанная на общий опыт, знания, характерна и для местоимения того: *Как фильм?* — Да не того что-то. — *Вот и мне не очень; Галя/ты боишься... фоточки?* — Вообще-то ты знаешь да/потому что я немножко того².

Но расчет на быстрое понимание сообщаемого не всегда оправдывается. Возникают иногда ситуации, когда один из собеседников вынужден уточнять то, о чем ему говорят. Например: — *Но он какой-то такой фабрики был. — Какой? Нашей? Да? — Нет. — Среднеазиатский? Среднеазиатской, да.* Как видим, говорящий не боится, что его не поймут, он знает, что в случае непонимания последует переспрос и все будет объяснено. Еще один пример: — *Где ножницы взять? — В этом. — В правом или в левом? — В левом* (жестом указание «в этом» не сопровождалось; то, что речь идет о ящике стола, собеседнику ясно, но ящиков — два).

Бывает уточнение признака без переспроса: *И она прислала такой пакетик... целлофановый чай.* Это делается даже при наличии самого предмета: — *Эти полки на заказ делались? — Нет. Куплены. — Никогда не видела таких, понимаешь, чтобы вот так застекленные были и именно светленькие.*

Привычка к разговорной небрежности в использовании местоимений и к активному их употреблению приводит к тому, что в письменной речи появляются фразы, вызывающие смех или полную неопределенность смысла. Например: *На недостаток строительных материалов любят ссылаться нерадивые руководители. Правда, некоторые из них дефицитны, но при настойчивости и энергии их можно все-таки найти; В комнате, возле печки, стояла маленькая девочка, она была жарко натоплена; Портрет написан известным художником, я недавно*

¹ Аналогично используются и местоименные наречия: — *Он потом под конец признался, откуда-то он, господи, уж забыла, откуда-то, ну, в общем, откуда-то оттуда.* — Да! Чувствуется (человек, о котором идет речь, приехал с Украины).

² Последний пример взят из кн.: Русская разговорная речь. Тексты, с. 124.

видел его на выставке¹. В сочинении учащегося VII класса: *Олег молча посмотрел на денщика, и вдруг лицо его приняло испуганное выражение. Быстро присев на корточки, он хлопнул себя по коленкам. (Чье лицо? Кто хлопнул?)*

Разумеется, подобное употребление местоимений нехорошо и в разговорной речи, так как и в непосредственном общении может привести к непониманию (Кого его? Кто она — жена или мать?) и даже к недоразумению, но чаще всего люди не столько понимают, сколько догадываются, поскольку разговорная речь адресована персонально данному человеку. Характерный пример приводит Е. А. Земская в статье «Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта» (Славянское языкознание. М., 1978, с. 208):— *А он уже приходил//Где же ты была? Опять упустила! — Я не думала, что он так скоро//Где он сейчас? — Наверх пошел.* Хотя, кто он в контексте разговора не расшифровывается, но собеседникам это ясно, ибо речь идет о человеке, известном для каждого из говорящих.

Письменная речь за редким исключением (письма) адресована не конкретному читателю, а неизвестному, обобщенному, усредненному. Поэтому автору рассчитывать на догадку читателя нельзя. В разговорной речи всегда есть обратная связь — говорящий видит, понимают ли его, может уточнить сказанное, ответив на переспрос. Письменная речь таких возможностей лишена. При анализе подобных ошибок в сочинениях обязательно надо обратить внимание школьников на эти различия разговорной и письменной речи.

Уменьшение доли существительных и прилагательных в разговорной речи связано не только с широким использованием местоимений. Дело в том, что в разговорной речи, как уже говорилось, используется огромное количество незначимых слов, различного рода частиц. С одной стороны, из-за безударности они являются средством создания разговорного волнообразного ритма речи. С другой стороны, они являются вынужденными заполнителями пауз. Разговорная речь — речь непринужденная, но, поскольку человек вынужден при этом мыслить и говорить одновременно, он делает паузы, подыскивая необходимое слово: *А вообще... работа в опере/она помоему... даже... гораздо трудней, чем только с симфоническим оркестром/и... менее благодарная/вот, например, я как оркестрант//Конечно, менее благодарная//Потому что... все-таки... оркестр... это отнюдь не... главное действующее лицо-то².*

¹ Примеры взяты из кн.: Розенталь Д. Э. Культура речи. М., 1964, с. 56.

² Пример приведен в кн.: Русская разговорная речь. Тексты, с. 125. Далее также использованы эти материалы.

Возникающие при беседе паузы довольно часто заполняются какими-либо звуками (э-э, м-м), какими-нибудь безударными словами. См., например, в речи того же лица: *А потом мы с ними/вообще, так сказать, вот летом/это было даже очень приятно/что мы с ними летом/играли симфоническую музыку//Тоже//Понимаешь? То есть они приходили/и мы, значит, своими художными силами/потому что состав у нас/очень маленькая струнная группа.*

Кроме явных заполнителей пауз, в разговорной речи широко используются незначимые или малозначимые слова-сигналы неточности выражения, приблизительности: *и... такие не очень громкие симфонии/там ну такие, как там Моцарт что-нибудь/даже там Брамс иногда играли/*. В роли слов-сигналов неточности выражения часто используются местоименное наречие *там*, частицы *вот* и *ну*: *своеобразие текста/вот разговорной речи/состоит в том...; но их (стихи) нельзя вот... быстрочтением читать; Помню «Недоросль» разыгрывали между... так... ну в свободное время; А «фаршированная щука» это говорит, что женщина там безвольная, какая-то там мягкотелая.*

Приблизительность в передаче смысла того, о чем идет речь, попытка найти нужное слово сигнализируется и при помощи местоимений *это, это самое*. Например: *Я ездила в больницу к Олегу, и это самое... там около больницы, вернее в больнице, была какая-то женщина была с этим чаем в сетке, я спросила где. Вот. И он принес; Только как сушить стали, они у нас это... прошкварилась; Вообще сначала нам дали направление на эту... детскую площадку; Мама, а вот Ира ходила на юбилей этого... Сальникова.*

В разговорной речи все эти сигналы приблизительности, неточности и простые заполнители пауз вынужденно необходимы. Неслучайно они попадают и в речь действующих лиц в кинофильмах, теле- и радиопостановках. Борьба с засорением речи «ненужными» словами должна вестись осторожно. Заполнители пауз настолько неизбежны в спонтанной речи, что, как ни странно, им даже следует обучать иностранцев, иначе они начинают вводить в русскую речь нерусские заполнители пауз. Бороться следует лишь с привычкой к однообразному заполнению пауз при помощи таких слов, как *значит, понимаешь, так сказать* и т. д.

В то же время допустимость использования заполнителей пауз в спонтанной устной речи никак не означает возможности их употребления в письменной речи. При воспроизведении речи в письменной форме есть возможность отделить по времени речь от мысли, подумать, а потом написать. В связи с этим заполнение паузы становится ненужным.

Как видим, лексические особенности, характеризующие разговорную речь, разнообразны. Некоторые из них достаточно

часто отражаются в письменной речи, что приводит к нарушению стиля изложения, неясности и неточности написанного. В этом случае нужно показать учащимся, в результате чего возникла та или иная ошибка, чем она обусловлена. Некоторые характерные для разговорной речи особенности употребления слов связаны с влиянием, оказываемым на разговорную речь письменных (печатных) источников. И здесь нужно фактическое разъяснение учителя. Необходимо, чтобы учащиеся понимали не только суть ошибки, но и причины ее появления.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Разговорная речь, как мы уже отмечали, почти не знает причастий и деепричастий. Употребление их в русском языке ограничено рядом условий, соблюдать которые в разговоре почти не удается. Даже в речи весьма культурных людей употребление деепричастий в устной речи, как правило, приводит к нарушению грамматических норм. Например: *У нас есть увлечение массой мероприятий, не задумываясь над тем, какова их отдача.* К сожалению, учащиеся и люди с недостаточным уровнем речевой культуры допускают подобного типа ошибки в употреблении деепричастий и в письменной речи.

Разговорной речи не свойственно также употребление кратких форм прилагательных. Например: *Смоктунковский, конечно, изумительный; Там и мать больная, и дочка больная.* Это черта разговорной речи переносится иногда школьниками в письменную речь, в результате чего появляются ошибки использования полных прилагательных. Например: *Видно, что бурлаки усталые, измученные, болезненные. У первого болит плечо (из сочинения по картине «Бурлаки на Волге»); Всем весело, только одна Снегурочка печальная (из изложения); Снегурочка была умная, послушная, стройная (из изложения); Все веселятся, одна Снегурочка невеселая (из изложения).*

В стабильном учебнике русского языка для IV класса в тексте упражнения 536 приведено предложение *Зайцы робки, осторожны, ловки и хитры.* Школьникам предлагается определить стиль всего текста, в том числе и указанного предложения. Сделать это, скажем прямо, нелегко. Но учитель может использовать упражнение для того, чтобы сопоставить разговорные полные формы (*Зайцы робкие, осторожные, ловкие и хитрые*) с книжными краткими. Аналогичное предложение приведено в упражнении 546 (*Уж не ядовит*). Здесь также следует определить стиль описания. В упражнении 541 предлагается внести необходимые исправления в предложения с однородными сказуемыми, заменив полные прилагательные краткими. Следует учесть, что приведенные ошибочные фразы нередко действительно встречаются в разговорной речи людей, недостаточно знающих русский язык. Обязательно нужно под-

черкнуть нелитературный характер этих примеров, объяснив причины их нелитературности.

Употребление в разговорной речи не полных, а кратких форм прилагательных такого типа объясняется их близостью к глаголу (они не образуют степеней сравнения, качественных наречий на *о*¹, не имеют антонимов с частицей *не*). Но чаще в разговорной речи в таких случаях употребляются иные конструкции типа *Товарищ за что-то сердится на меня; Мария вылитая мать; Спасибо другу за помощь*.

В письменных работах учащихся довольно часто встречаем полные прилагательные, типичные для разговорной речи, но нежелательные в письменной речи. Продемонстрировать особенности употребления полных и кратких форм прилагательных в устной и письменной речи удобно при подготовительной работе для выполнения упр. 537 и особенно 538.

Для разговорной речи, как уже отмечалось, характерно особое соотношение использования частей речи, отличное от употребления их во всех видах письменной речи: так, если в разговорной речи на 1000 слов существительных встречается 130—140, то в письмах их уже более 200; прилагательных соответственно 35—39 и 62; зато местоимений 175 и 110; частиц — 120—131 и 78².

Помимо различия в частоте употребления разных частей речи, для разговорной речи характерно своеобразное использование падежных форм. Это проявляется, например, в том, что для письменной речи типично преимущественное употребление форм родительного падежа, а для разговорной — именительного и винительного. Анализ сочинений учащихся IV классов показывает, что такое же соотношение падежей присуще и этим текстам. Так, в сочинении «Бабушка готовит обед» встречаем девять случаев использования именительного падежа, тринадцать — винительного, по одному родительного, дательного, предложного и два творительного. Ср. в таком же по объему сочинении ученика VII класса: 9 форм именительного падежа, 2 — винительного и предложного, 3 — родительного и 6 — творительного.

Освоение учащимися падежной системы происходит по мере овладения ими нормами письменной речи. Разговорная речь мало использует так называемые косвенные падежи. Поэтому на первых порах перехода к официальной речи школьники допускают ошибки в управлении. Дети почти не пользуются кон-

¹ Ср. *верна* — *неверна*, *вернее*, *верно* заметили. См.: Русская разговорная речь. М., 1973, с. 200—202.

² Нами использованы данные, приведенные Э. А. Ключковой (Столяровой) в статьях «О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях русского языка» (Вопросы славянского языкознания. Саратов, 1968, с. 110—111), «О функционировании прилагательных в разговорном стиле речи» (Вопросы стилистики, вып. 6. Саратов, 1975, с. 3).

струкциями во время переезда, после возвращения отца и т. д., заменяя их придаточными типа *Когда переезжали; Когда отец вернулся.*

Редко встречаются в сочинениях и изложениях конструкции типа *совмещать работу с учебой; обрадоваться приезду брата; мечтал о профессии летчика; готовимся к встрече* и т. д. Обычно их заменяют оборотами типа *совмещать работу и учебу; брат приехал, я так обрадовался; мечтал стать летчиком; готовимся встретить.*

Конечно, на первых порах обучения можно и в письменной речи обходиться ассортиментом падежных форм, присущим разговорной речи, но только на первых порах. Очень плохо, когда в восьмом классе пишут: *Когда Мери увлеклась с Печориным*, но еще хуже, если выпускники школы не могут использовать возможностей русского языка в образовании словосочетаний. В учебнике русского языка для четвертого класса есть только одно упражнение, 466, в котором предлагается образовать именно такие, трудные для детей словосочетания. Этого, конечно, мало. В учебнике русского языка для V—VI классов такие упражнения совсем отсутствуют. Лишь самые простые словосочетания предлагают составить учащимся VII класса авторы учебника русского языка для VII—VIII классов.

Как видим, несмотря на то что учащиеся не всегда умеют включать в свою речь некоторые падежные формы, работа в этом направлении фактически не предусмотрена ни программой, ни авторами учебников по русскому языку. Видимо, самому учителю нужно ее проводить при объяснении падежных окончаний имен существительных, тренировать учащихся, причая их употреблять непривычные для разговорной речи падежи. Для этого следует обращать особое внимание школьников на тексты правил, приводимых в учебнике, на язык изложения в учебниках по другим предметам (истории, географии, биологии и т. д.). Желательно противопоставлять конструкции с падежными формами разговорные и книжные.

Для разговорной речи характерно также свое, особое использование глагольных форм. Так, в разговорной речи, как отмечалось, почти отсутствуют деепричастия. Причастия употребляются редко, притом почти исключительно страдательные прошедшего времени. Например: *Ты же мне сломанный стул дала!; — Это сшито или готовое? — Сшито, конечно.* Во всех этих случаях причастия фактически утратили свою глагольность, перешли в прилагательные. Разговорной речи не свойственны также причастные обороты.

Неупотребительность причастий в речи детей — одна из причин их трудного освоения в школе учащимися. В результате возникают ошибки в согласовании, образовании причастий.

Разговорная речь фактически не знает страдательных оборотов (не *Дом выстроен еще отцом*, а *Дом построил еще отец*).

Не так, как в письменной речи, используются в разговорной речи временные формы глаголов: — *Ты скоро?* — *Сейчас иду* (т. е. пойду); *А в час тридцать/мы улетаем*; *Ну, я пошел. До завтра* (т. е. пойду); *Я сейчас в автобусе еду* (говорящий сидит дома и рассказывает), *около базара сели. Сели и кукурузу кушают* — *А ты им завидуешь* — *А запах такой идет!*; *Очень хорошо. Палатки расставили, с удовольствием великим отдыхали. Одни, никто не мешает; И там мы встретились. «Коля, здравствуй»...* *А мы сидим, вернее стоим, болтаем там, на скамейку сядем буквально часа на три. Как начнем вспоминать, как у нас автобус засел, как нас вытаскивали.*

Даже приведенные примеры показывают, что в разговорной речи не только не выдерживается единый временной план, типичный для письменной речи, но и временные формы используются весьма свободно: настоящее и прошедшее в значении будущего, настоящее и будущее в значении прошедшего.

Привычка к такому свободному обращению в речи с временными глагольными формами затрудняет определение временных форм в школе, приводит к ошибкам в ответах и к нарушениям временного плана в сочинениях. Приведем два сочинения по картине «Бурлаки на Волге» (V класс).

I. *Волга спокойная. Вдали виднеется лодка с белым парусом. На переднем плане видна ватага бурлаков, измученных, голодных, оборванных. У всех бурлаков была мечта дойти до первой пристани, где они могли бы отдохнуть. Среди ватаги были старые и молодые бурлаки.*

II. *Утро. Еще не растаял туман. А бурлаки большой ватагой с утра и до следующего утра тянут корабль. Они усталые, болезненные. Идут и думают быстрее бы дойти до первой станции, чтобы можно было отдохнуть. В ватаге были и стар, и млад. Первый бурлак был обросший, усталый, в лохмотьях, у него болит плечо.*

Обычно учитель исправляет так называемые «погрешности стиля», но не рассказывает ученику о том, что письменная речь строже относится к использованию временных глагольных форм, а также о том, что ошибки во многом происходят из-за того, что наблюдается перенос словоупотребления, характерного для разговорной речи, в письменную речь. Кстати, на уроках иностранного языка (особенно английского) согласованию времен уделяют много внимания, а на уроках русского языка о нем почему-то почти совсем не говорят. А ведь и в русском языке такое «согласование» существует.

Следует учитывать, что в научных грамматиках в каждом из трех грамматических времен выделяются разные значения (конкретное настоящее момента речи, настоящее неактуальное,

настоящее эмоциональное и т. д.)¹, но употребительны эти разные значения только в разговорной речи и отчасти в художественной литературе. В других стилях используется обычно лишь одно какое-то время: в научном и деловом — настоящее, в художественном — прошедшее.

Эти особенности разговорной речи являются следствием условий ее бытования: не употребляются в разговорной речи формы, трудные для восприятия при устном общении (деепричастия, причастия, цепочки родительного падежа), сравнительно мало используются в устной речи существительные и особенно прилагательные, поскольку предметы и их признаки чаще всего видны или известны собеседникам, широко применяются местоимения и частицы, что обусловлено непосредственными контактами говорящих и спонтанностью их речи.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Синтаксическое своеобразие разговорной речи особенно велико. Прежде всего оно связано с тем, что разговорная речь часто используется в тех условиях, когда предмет речи находится перед глазами. Например, ситуация разговора продавца с покупателем: — *На 30 копеек. Ничего? — Давайте (предмет продажи — капуста — не называется); — Да что ж это такое! Девушка, разве так можно. — А я это что ль? Толкают, вот и я толкаюсь; — Ира, посмотри, правда, красивый? — Ничего, хороший (речь идет об огурце); — Почему она? — Три. — Мне килограмм (на рынке о землянике); — Сколько стоит? — 26. — Он нейлоновый? — Нет, капроновый (о плаще).*

Мальчик 4 лет увидел живую утку, которую несли по улице. — *Мама, а она живая? — Да. — И не вареная? — Не вареная. — И с ногами? — Да. — А она бегаёт? — Побежит, если отпустят.*

Иногда разговор длится 20—30 минут, а предмет обсуждения так ни разу и не называется. Неполные предложения господствуют в разговорной речи, в результате чего становятся настолько привычными для детей, что попадают в их сочинения (см. далее, с. 66).

Как мы уже отмечали, в условиях разговорной речи нет времени на предварительное обдумывание предложений. Этим объясняется то, что даже в речи культурных людей встречаются негладкие конструкции, наблюдается перестройка фраз на ходу: *Вот деревня Смерди... многие... моя семья прожила там лет восемь|| (...) Но когда я пришел домой/то на меня ужаснулись!||. Потому что когда вот это сопло/вот это кото-*

¹ См., например: Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

рое/откуда воздух выходит из этого тормоза/оно оказалось на уровне моего лица (из воспоминаний писателя Л. В. Успенского)¹.

Нередко, думая и говоря одновременно, человек непроизвольно заполняет так называемые паузы. У культурных людей довольно широко для этой цели используются частица *вот* и потерявшее свое значение места наречие *там*, превращающееся фактически в частицу. В разговоре эти слова не замечаются слушающим, но при записи сразу бросаются в глаза. См., например, магнитофонную запись воспоминаний писателя Л. В. Успенского:

Но/надо сказать Вам что он... имел гипнотическое воздействие на других//Потому что вот Николай Константиныча Дмитриева (...) И вот он все-таки заставил/и там довольно долго это продолжалось (...) и поэтому вот/поэтому скажет вот такой научный подвиг/. Как вот эти древние..... мм..... Записи древние/разговорники-то, которые он/².

Невозможность продумывания фраз до их проговаривания мешает широко использовать в разговорной речи развернутые и сложные предложения. Как правило, речь состоит из цепочки коротких сообщений, как бы нанизанных друг на друга. Например: *В других классах посмотришь дружбу... да и вообще вот книги читаешь, кино посмотришь... 15—16 лет, и такая уж крепкая дружба... Очень хочется, чтобы все у нас были такие, ядро было такое крепкое, чтобы дружили все мальчишки с девочками... Это зависит вовсе не от возраста... а вот мальчику у нас такие... издали какие-то, посмотришь, совсем дети... бегают, носятся, мы уже в 9-м классе... Ну, а возьмем того же Сергея, как-то он не будет там бегать, носиться там, мяч гонять по коридору в школе (запись рассказа ученицы IX класса о школьной жизни).*

Так же фактически говорит и Л. В. Успенский: *Причем/это было значит перед самой войной/то есть ему уже было что-нибудь около 50 лет/. Но он был готов бегать куда угодно. Мне было сорок к тому времени.*

В условиях непосредственного персонального общения такая речь естественна и нормальна. Наоборот, сложно организованные предложения нарушают нормы разговорной речи, делают ее книжной, канцелярской, несколько искусственной. Так, например, в разговоре школьницы о будущей профессии подобные книжные построения — результат некоторой официальности беседы (с незнакомым взрослым), старание говорить «правильно»: *Я просто поразилась, откуда столько хочет быть юристами. И недавно я прочитала в газете, что в Союзе перенасыщенность юристов, что даже сокращают юридические факульт-*

¹ См.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 82—83.

² См.: там же.

теты, ну, я подумала, зачем я пойду туда, где я не нужна, где и без меня людей хватает. Как видим, здесь явно влияние периодической печати, информации по радио и телевидению.

К сожалению, такие нарушения норм разговорной речи обычно не только не осуждаются, но даже пропагандируются. Так, В. В. Одинцов в книге «Лингвистические парадоксы» приводит фельетон из «Пионерской правды», в котором за образец выдается эта несколько искусственная речь: *Ракета превосходная, но все равно после посадки нужен отдых для восстановления сил. Потом можно отправляться к местным жителям с предложением культурного сотрудничества.* В. В. Одинцов справедливо возражает не только против жаргона, но и против такой гладкой, но книжной речи¹.

В издательстве «Просвещение» вышло уже немало книг для учащихся старших классов, показывающих, что в разной обстановке языком надо пользоваться по-разному², обращающих внимание школьников на особые нормы разговорной речи. Есть такие указания и в книгах для учителей. Наиболее подробные сведения о синтаксических особенностях разговорной речи (разговорно-обиходного стиля) даны в книге Л. Г. Барласа «Русский язык. Стилистика». Однако и в этой книге специфика особенностей разговорно-обиходного стиля изложена всего на 10 страницах. В результате не подчеркнута нормативность синтаксических особенностей разговорной речи и недопустимость засорения разговорной речи книжными построениями.

Создается впечатление, что школьник должен знать о разговорной речи больше, чем учитель. Но это принципиально неправильно. Если учитель не будет ориентирован на соответствие литературным нормам многих так называемых «неправильностей», присущих разговорной речи, то он может потребовать от учеников оказывания речи, предпочтения книжных, а не разговорных конструкций.

С другой стороны, незнание разговорных особенностей лишает учителя возможности планомерно противопоставлять разговорной речи официальную устную и письменную речь. А такие противопоставления крайне необходимы.

В разговорной речи постоянно встречаются добавления, вставки, самоперебивы, синтаксически (часто даже интонационно) не оформленные. В воспоминаниях Л. В. Успенского находим, например: *А он жил в деревне, которая по-моему Пустошка называлась//За железной дорогой/туда за... за Заполье//И/как-то я к нему пришел и он говорит/ну они все/вся семья там жила*³. Здесь мы видим интонационно выраженное разделение, дающее представление о том мыслительном про-

¹ См.: Одинцов В. В. Лингвистические парадоксы. М., 1976. с. 57.

² Кроме книги В. В. Одинцова, может быть названа книга Л. П. Крыгина «Язык в современном обществе» (М., 1977, см., например, с. 78—81).

³ См.: Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 82.

цессе, который сопутствовал речи. Но встречается и интонационно не разделенное на порции: *А межевой инженер геодезист это очень близко¹; отметить не отметил но воздал по его делам вот в «Литературной России» года два тому назад было напечатано² и т. д.*

Широко распространены в разговорной речи предложения типа *Потом это все каникулы начинались, кончилось; Я у него был сюда приезжал*, которые принято называть предложениями со связями свободного соединения. Для разговорной речи они вполне приемлемы, нормативны, и на них не обращают внимания ни говорящий, ни собеседник.

В письменную речь типично разговорные построения обычно не попадают, но важно показать преимущества продуманной, организованной письменной речи, противопоставить ее речи непродуманной, спонтанной. При этом следует обратить внимание школьников на присущую разговорной речи краткость предложений. Обычно учащиеся переносят эту черту разговорной речи в сочинения. Приведем в качестве примера фрагмент из сочинения «Тема Великой Отечественной войны в современной советской литературе», написанного учащимся X класса: *Девятнадцатого мая в Свердловском зале Кремля состоялось вручение Ленинских премий за 1978 год. Среди награжденных был писатель Чаковский. Он получил Ленинскую премию за роман «Блокада».*

В романе «Блокада» автор описывает события Великой Отечественной войны. Но главной темой его книги является блокада города Ленинграда. Хочется отметить своеобразие композиции романа. События переносят нас то в Берлин, то в Москву, то на поля сражения. Но самое большое место уделено событиям, происходящим в самом Ленинграде. Так же хочется отметить и большое число героев романа.

Так написано все сочинение. Как видим, автор беспомощен в раскрытии темы, в анализе произведения, сочинение показывает отсутствие навыков письменной речи: излишне короткие фразы, однотипные связки кусков текста. В приведенной части из 9 предложений дважды используется «связка» *но* (всего в сочинении 9 таких связок отдельных предложений), дважды использовано *хочется отметить* (всего в сочинении их 4 и 5 — так же).

В другом сочинении ученицы VIII класса читаем: *Пушкин описал великие исторические события своего времени. Отечественную войну 1812 г., восстание против самодержавия 14 декабря 1825 г.* Намеренной парцелляции здесь явно нет, это типичное для разговорной речи присоединение. Характерно, что учитель даже не отметил эту стилистическую погрешность.

¹ Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 86.

² Там же.

Своеобразен в разговорной речи порядок слов. Можно даже сказать, что не только нормы, но и функции порядка слов в письменной и разговорной речи принципиально различны. В письменной речи функции порядка слов могут быть в основном сведены к следующему: а) используется основной способ выражения актуального членения, т. е. членения предложения на исходную, чаще всего уже известную информацию (тема) и главную, самую важную в данном предложении (рема). Например, в приведенном ранее тексте статьи Конституции СССР читаем: *Автономная республика находится в составе союзной республики. Автономная республика* — тема сообщения, *находится в составе союзной республики* — рема; б) это один из способов организации словосочетания. Ср.: *Лампочка под потолком тускло светила* и *Лампочка тускло светила под потолком*. Словосочетание *лампочка* (какая?) *под потолком* только в первом предложении. Аналогично: *Хороший день* и *День хороший*. Здесь словосочетание образуется также лишь в первом предложении; в) порядок слов является одним из способов создания стилевой окраски речи. См. в авторской речи Горького: *Однажды Петр застал сына в сарае, мальчик пытался пристроить к старому корыту колесо тачки* — и в речи персонажа (Петра): *Окно занавесьте! Детскую больницу надо вдвое расширить. Якову учиться больше не надо. Послезавтра на ярмарку поеду*. Расположение зависимых слов перед главными создает впечатление разговорности, т. е. имеет особую стилевую окраску¹.

Нормы расположения слов в письменной речи также отличны от норм, присущих разговорной речи: тема обычно начинает предложение, а рема его заканчивает. Этим правилом прежде всего обеспечивается порядок расположения главных членов предложения. Обстоятельства времени и места чаще всего располагаются в начале предложения, а согласованное определение предшествует определяемому слову, несогласованное определение следует за ним, все управляемые члены размещаются после управляющих. Например: *В теплом воздухе гудят комары, и как будто это они разносят над землей вкусный запах огурцов, яблок, укропа. В зеленоватом небе ласково разгорается заря* (Горький. Дело Артамоновых). Отступления от указанного правила возможны лишь в письменной речи, передающей экспрессию.

В разговорной речи актуальное членение предложения выражается интонационно. Самое важное, в каком бы месте предложения оно ни находилось, выделяется голосом (логическое ударение). Так, на вопрос *Когда приехал брат?* могут быть даны следующие ответы: 1) *Вчера* (предложение содер-

¹ Подробнее см.: Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976, гл. VI.

жит только рему); 2) *Вчера приехал* (рема выделена голосом и начинает предложение); 3) *Брат вчера приехал* (рема в середине); 4) *Брат приехал вчера* (рема в конце предложения). Последний из возможных ответов менее всего характерен для разговорной речи.

Словосочетания в разговорной речи очень редки, объединение слов в единое целое в основном достигается при помощи интонации. Поэтому комичное в письменной речи *Столяр сделал табуретку из дуба с четырьмя ножками* в разговорной речи нелепого словосочетания не образует: *Столяр сделал табуретку из дуба* (пауза) *с четырьмя ножками* (добавление).

В условиях разговорной речи сознательное использование стилевой окраски почти невозможно из-за отсутствия времени на обдумывание.

Таким образом, видим, что ни одна из функций порядка слов, присущая письменной речи, в разговорной речи не действует. Основная функция порядка слов в разговорной речи скорее психологическая, чем грамматическая. Слова располагаются в последовательности формирования мысли. Предложения разговорной речи настолько тесно связаны с процессом «думания», что как бы делают его ясно видимым. Если человек говорит о привычном, не задумываясь, то он обычно использует готовые речевые блоки: *Это очень интересный край. Там совершенно изумительная природа. У нас есть великолепное место — Снежная долина.* Но если говорящий о чем-то вспоминает, хочет что-то объяснить, то становится заметным процесс формирования этого сообщения: *Нет, вы знаете, мы, главное, свет потушили, она перезаряжала аппарат фотографический, и вдруг подряд три выстрела артиллерийских, буквально прямо над ухом, снаряды свистят буквально прямо над ухом, тут вспышки... света, знаете, как все напугались?!* Согласованные определения оказываются в разговорной речи заранее не запланированными, они как бы добавлены в процессе сообщения.

Многие предложения в разговорной речи явно произведены частями, поскольку разделены большими паузами: — *А где он живет? — Вот он недалеко... возле вас... по вашей улице, как спуститься вниз... по Волжской... Вот где живут Ваши знакомые, так вот еще спуститься до Мичурина, вот на этой же стороне... В общем за этим углом.* При таком построении предложений оказывается всегда много попутных добавлений, причем добавлен может быть любой член (*Я все-таки хочу вернуться к твоей чашке синего стекла огромной; Экран, по-моему, такой же, как у нас. Но... гораздо больше та часть, которая не экран. И в длину, и в высоту, и во все стороны; Нам вот сейчас прислали... чай из Самарканда*).

Интонация разговорной речи обычно характеризуется чередованием ударных и безударных слогов. Часто при этом

безударным становится целое слово, особенно не очень важное для сообщения: *Не болела (я); Да, конечно, играешь (ты). В глазурь (какую-то) она обмакивает (ее)* и т. д. Как правило, громкость начальных слов фразы намного превышает громкость конечных, даже если в конце оказывается рема. Концы фраз в разговорной речи проглатываются, они почти не слышны (в записи показаны в скобках). Это в значительной степени объясняется тем, что в условиях разговорной речи люди понижают друг друга, как говорится, с полуслова и поэтому обычно не дослушивают фразу до конца: — *Я не была, но мне рассказывали. — Я его не особенно. — И я* (об игре актера).

Все сказанное делает понятным, почему в разговорной речи иные, чем в письменной речи, нормы расположения слов. Дело в том, что в разговорной речи все важное передвигается к началу предложения, так как все конечное ненадежно для восприятия. Поскольку мысль формируется от чего-то важного, основного, с него и начинается сообщение. Эти две стороны общения (для кого-то и что именно) определяют собой разговорный порядок слов. Ритм разговорной речи усиливает основную тенденцию размещения слов. В результате действия психологических, а возможно, и физиологических факторов в разговорных фразах чередуются ударные и безударные слова, причем самые важные располагаются в начале (как во фразе, так и в каждой ее порции — речевом такте): *Не надо (мне) никаких (подарков).*

Очень часто в разговорной речи словосочетания разрываются (*Очень он книги любил читать — разорваны очень любил, читать книги*), при этом зависимые члены чаще всего предшествуют главным: *Моей сестры муж; Плетеную такую корзинку она подала; Весь день одно мороженое ела; Сколько Вам до Ленинской дойти, столько же мне до Некрасовской; Я у него все обязательно спрошу; Он с интересным видом таким играл; В Москву все-таки доходят вовремя письма; Я в библиотеке беру* и т. д.

В связи с тем что порядок слов разговорной речи настолько отличается от норм расположения слов в письменной речи, писатели обычно используют его для художественного воссоздания речи своих героев (функция стилевой окраски речи)¹.

¹ От использования порядка слов в функции стилевой окраски следует отличать появившиеся в последнее время случаи воспроизведения живой речи. Так, например, в произведении «Главы из блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, составленном на основе записанных на магнитофонную ленту рассказов ленинградцев, включены и отрывки этих записей с «неправильностями и повторами живого рассказа». В этих отрывках мы встречаем: *И вдруг этот моего мужа приятель проходит ко мне; в легком платье девушка пробежала; у них комната была такая отдыха* и т. д. (Новый мир, 1977, № 12).

Привыкнув к относительной свободе расположения слов в разговорной речи¹, школьники невольно переносят ее в письменную речь. Не зная принципиальных отличий порядка слов разговорной речи от норм письменной речи, они пишут так, как сказали бы. В сочинениях мы встречаем предложения, распадающиеся из-за несоблюдения письменных норм расположения тем: *Я люблю книги о войне. Я узнаю о героях из них* (VII класс), и разрушенные без необходимости словосочетания: *Каждый человек хочет преподнести свой в день рождения подарок стране; Переживает Левинсон за отряд в душе*. К сожалению, эти ошибки учителя не всегда исправляют.

Знание школьниками принципиальных различий порядка слов в разговорной и письменной речи, понимание присущих каждой речи норм помогут предотвратить появление в сочинениях и письменных работах предложений, напоминающих торговые ярлыки (*Доска для разделки фруктов из оргстекла*), тексты вывесок (*Прием часов в ремонт всех систем*) с неправильным порядком слов. Нужны, видимо, и специальные упражнения на образование сложных словосочетаний, без которых выпускнику школы не обойтись.

Ранее уже отмечалось, что в разговорной речи почти не употребляются причастные и деепричастные обороты. Но, поскольку эталоном правильности речи обычно является как для учеников, так и для учителей художественная речь, учителя не только разрешают, но даже поощряют употребление этих оборотов в устной речи. Но следует учитывать, что как причастные обороты, так и деепричастные в устной речи (особенно разговорной) затрудняют восприятие сказанного, понимание того, что хочет сообщить говорящий, так как удлиняют предложение и усложняют его структуру. Кроме того, с этими оборотами обычно не справляется сам говорящий. Как правило, проникающие в устную речь единичные обороты оказываются грамматически неправильными: *Читая специальные работы, мне кажется...*; *Подойдя к школьному возрасту, мы уже не слышим «хочу сам»*. Такие ошибочные построения возможны в речи людей самой высокой языковой культуры, так как возникают из-за ограниченного объема оперативной памяти человека. Начиная предложение, человек еще не представляет его конца, а дойдя до конца, забывает точную формулировку начала. Напомним, что А. С. Пушкин писал: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оний*, но и причастия вообще и множество слов не-

¹ Подвижны в разговорной речи даже служебные слова, во всяком случае частицы и союзы: *Он меня догнал, я не спешила потому что; Я, дождь пошел когда, испугалась. Он не приехал даже и т. д.*

обходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: *каре́та, скачу́щая по мосту, слуга, мету́щий комнату*; мы говорим: *которая скачет, который метет*¹.

В письменной речи и причастные и деепричастные обороты используются широко. Следует употреблять их и в сочинениях. Однако из-за отсутствия практики их употребления в разговорной речи школьники подчас допускают ошибочные построения предложений с деепричастными оборотами: *Читая роман, перед нами встает умный, жизнерадостный, волевой юноша* (из сочинения учащегося IX класса); *Войдя в комнату Базарова, ей стало страшно* (из сочинения учащегося VIII класса); *Подъехав к дому Собакевича, лакей провел Чичикова в комнату своего хозяина* (из сочинения учащегося VIII класса).

В связи с ограниченным объемом оперативной памяти возникает и такая особенность в разговорной речи, как возможность интерференции предложений. Два предложения при этом как бы накладываются друг на друга, в результате чего одно перерастает в другое, так как начало первого забывается: *У него не было никакого отношения к лингвистике Баррин не имел*. В лингвистике существует разное отношение к таким конструкциям (специфическая модель предложений разговорной речи; допустимая в условиях разговорной речи неосознаваемая говорящим ошибка), но учителю важно знать, что такие построения возможны даже в устной речи людей высокой культуры. Конечно, такие построения недопустимы в письменной речи.

Привычка писать так, как говоришь или думаешь, явно вредная, так как она подводит школьников не только к неправильному размещению слов во фразе, но и к отражению в сочинениях предложений с интерференцией: *Внешне эти люди выглядят прилично. Но под личиной порядочности кипит зависть, отсутствует подлинной культуры, сплетни, зреют низкие интриги характерны для этого общества* (из сочинения учащегося VIII класса). То, что это не описка, подтверждается отсутствием запятой перед словом *характерны* (автор сочинения пунктуационных (и орфографических) ошибок не делает; сочинение изобилует обособленными членами, и все запятые поставлены в них правильно). Кроме того, интерференция ощущается и в первой части предложения, в которой получается,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., в 10-ти т., т. VII, с. 438—439 (Письмо к издателю). Показательны также в этом отношении тексты выступлений М. И. Калинина, А. В. Луначарского, С. М. Кирова, приведенные в кн. «Об ораторском искусстве» (М., 1973, с. 277—327). В устных выступлениях этих замечательных ораторов много сложных предложений, но нет ни деепричастных, ни причастных оборотов. См. также совет ораторам не употреблять этих оборотов, так как они свойственны письменной, а не устной речи, в книге Е. А. Ножина «Основы ораторского искусства» (М., 1973, с. 171).

что кипит зависть, отсутствие подлинной культуры, сплетни (и семантически, и грамматически недопустимое объединение).

В этом же сочинении встречается и другой случай интерференции, хотя менее явный: *И самое страшное противоречие: он (Печорин) стремится «любить весь мир» — и приносит людям одно лишь зло и несчастье, наличие высоких стремлений — и мелкие чувства, владеющие душой, жажда жизни — и полная безнадежность своей обреченности.* Получается, что несчастье и наличие высоких стремлений — однородные дополнения, но одновременно это, видимо, и новое противопоставление.

При разборе сочинений необходимо обращать внимание учащихся на правильность структуры предложений, на необходимость устранения всех двусмысленностей.

Особенности непосредственного общения создают определенную свободу в заполнении синтаксических мест предложения и в использовании языковых моделей словосочетаний. Так, например, в разговорной речи возможны согласованные определения — притяжательные прилагательные не только от имен, но и от имен и отчеств: *Это Марьиваннина книга* (ср.: *Наконец наступил день Тети-Капиного юбилея; Тети Капина молчаливая фигура.* — Звезда, 1979, № 1, с. 63, 64). Встречаются словосочетания с необычным лексическим наполнением (*читать взахлеб, этажный вопрос, магнитофонное преподавание*). В условиях разговорной речи это хотя и нежелательно, но допустимо. Однако из разговорной речи подобная свобода проникает подчас в письменные тексты, что уже совершенно недопустимо. Например: в техническом проекте лаборатории вместо *шкаф для реактивов* читаем *реактивный шкаф*. В сочинениях (учеников VIII класса): *Роман «Евгений Онегин» писался всего семь лет. Он был начат в южной ссылке, а кончен Болдинской осенью; Роль Чацкого — роль страдательная, его роль всегда победительная.*

Очень типично для разговорной речи предикативное наполнение дополнений, обстоятельств. Глаголы речи, мысли, правило, сопровождаются придаточными, а не существительными: *Мальчик не знает, как нас зовут. Спроси, как его зовут.* Нередко подобная сочетаемость наблюдается и при других глаголах: *Я очень боюсь, как с ней встречу. Гуляю, когда хорошая погода* и т. д. Возможно «предикативное» подлежащее: *Белье носит пришла*. Предикативные эквиваленты падежных форм настолько характерны для разговорной речи, что учащиеся затрудняются в выборе нужной предложно-падежной формы при переходе к письменной речи: *Попутно, мельком, но ярко Пушкин отмечает равнодушное отношение крестьян к религии, противопоставляя их в этом отношении к помещикам* (из сочинения ученика VIII класса); *Это стихотворение Маяковский направил на бюрократизм и волокиту в государственных учреждениях* (из сочинения ученика X класса).

Очевидно, нужны специальные упражнения на образование словосочетаний книжного типа (*бояться встречи с ней, спросить его имя, гулять в хорошую погоду* и т. д.), поскольку в разговорной речи школьников таких сочетаний почти не встречается.

Для разговорной речи типичны «двуглагольные» конструкции типа *Пойду принесу, Сижу читаю*. В художественной литературе такие построения широко используются при художественном воссоздании разговорной речи¹. Подкрепленные авторитетом художественной литературы «двуглагольные» конструкции легко проникают в письменную речь школьников. Еще в 1913 г. педагоги считали, что исправлять фразы типа *Сестра стояла на столе держала лампу, или Я поеду их читать научу* было бы непростительно грешно². Действительно, они уместны в изложениях сказки о Снегурочке: *Пошли они скатали ком; А старик со старухой сидят около окна смотрят; Сидит Снегурочка одна у окна плачет* (V класс), но не годятся для официальной письменной речи, а потому и для литературоведческих сочинений. Учитель должен объяснить школьникам, почему нельзя употреблять эти конструкции в письменной речи.

Некоторые разговорные конструкции, проникнув в письменную речь, становятся нейтральными. Это прежде всего так называемые «качественные» конструкции, которые необходимо отличать как от «негладких» (*Вот рядом соседка, она свои, что ли, Таня, она свои, по-моему, выращивает*), так и от сегментированных построений (*Ах, Александр Петрович, ну всегда он на меня*). «Качественные» конструкции произносятся с иной интонацией (на письме чаще всего в них используется тире): это интонация обычного повествовательного предложения, местоимение объединяется в них в один речевой такт со сказуемым, понижения тона, значительной паузы перед местоимением нет: *Французский инженер он специалист узкий; Чай — он полезный; Сигареты — они самые вредные, оказывается; Дети — они всегда шумят*. Конечно, местоимение здесь не обязательно, но оно создает особое значение постоянного, присущего подлежащему качества. Ср.: *Чай — он полезный* и *Чай холодный* (т. е. остыл уже); *Дети — они всегда шумят* и *Дети шумят под окнами* (т. е. мешают в данный момент). Поэтому используются такие конструкции всеми носителями русского языка (как говорящими на диалектах, так и людьми самой высокой культуры), и не только в разговорной, но и в официальной устной, и в письменной речи.

¹ См. подробное описание этих конструкций в книге Шведова Н. Ю. «Очерки по синтаксису русской разговорной речи». (М., 1960, с. 57—68).

² См.: Милов Н. Не отмеченное школьными грамматиками явление русского синтаксиса.— Русский филологический вестник, 1913, № 4, с. 128—129.

Так, не в речи персонажей, а в авторской встречаем: *Жизнь — она переменчива; Авторитет — он нелегко заводывается* (Якименко Л. Городок. — Москва, 1979, № 4, с. 108, 109); *Лемминги — они вроде полевых мышей, только хвосты у них не голые, а с кисточками* (Кожевников В. Там, где нет ни пыли, ни мух. — Октябрь, 1979, № 7, с. 96); *Фигус не взяли, фигус — он, как животное домашнее, — привыкнешь и нету силы оставить, когда время приспест перебираться на другую стройку* (Сбитнев Ю. Житейская история. — Знамя, 1979, № 9, с. 105); *А коллектив — он ведь как человек: и характер есть и самолюбие* (Жуховицкий Л. Ключ от города. М., 1980, с. 110); *Доброта — она всегда умная* (Лихачев Д. С. Заметки о русском. — Новый мир, 1980, № 3, с. 17).

Исправлять такие построения, «бороться» с вовсе не лишним местоимением, разумеется, не нужно. Школьники имеют право на употребление таких конструкций как в устной, так и в письменной речи.

Условия разговорного общения не позволяют заранее спланировать развитие какой-то темы, т. е. организовать текст: а) говорящий не в состоянии держать в памяти уже сказанные куски текста, б) собеседник всегда вмешивается в речь, даже если основной говорящий претендует на монологический рассказ о чем-то¹, в) сам говорящий что-то вспоминает и возвращается к уже сказанному, что-то добавляет, перебивает сам себя, г) нередко по «вине» собеседника ситуации рассказ вообще оказывается прерванным, незаконченным.

Характерен, например, разговор «О музыке», помещенный в книге «Русская разговорная речь. Тексты». Еще более разнотемно «Разговор в гостинице», в котором тема театральных спектаклей сменяется темами бед популярных актеров, историей знакомства с актером, характеристикой вокзалов, выяснением того, куда и с какого вокзала ехать, маршрутами метро и т. д.

Приведем в качестве примера разговор с типичными «перескоками» от одной темы к другой:

В. Все... время... мело. Там... с Северного Кавказа... пыль. Киев заносило. А там на 10 сантиметров снесло.

А. Да, в газетах ведь писали. Прямо кошмар там был. А у нас все озимые померзли. Ты же ехал — видел. Нет озимых. А ведь я вот осенью ездила в Москву ведь сплошь был изумрудный ковер. А сейчас ведь нет. Сеют снова яровые. А яровые очень к засухе устойчивы. А засуха будет наверняка.

В. Неустойчивы.

¹ См., например, воспоминания Л. В. Успенского (Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 80—88), которые неоднократно перебиваются слушающим.

А. Ну да, неустойчивы. Вот слушай, Коля, ты спрашивал, как лучше назвать. Конечно в целях рекламы лучше назвать коктейль.

В. Нет, кислородный, можно сказать кислородный.

А. Ну, кислородный коктейль.

В. Ну хорошо. Какой же он кислородный? Вот кислородная пена, не кислород же пенится. Это мыльная пена. Мм?

А. Это неважно.

В. Так, конечно, проще сказать. Но по сути же — это неправильно. Допускаются такие вещи?

А. Допускаются. Вполне допускаются, это ерунда. Ну вот, Коля, вот как же 3 копейки 2 стакана... А если я один... Надо было 3 копейки один стакан.

В. Это дорого. Медицина должна быть бесплатна. Вообще. Квас.

А. 6 копеек стоит. А стакан — 3.

Тут же разговор переходит на снежного человека, затем на то, что сейчас живется гораздо лучше, тут же на болезнь знакомой, разные блюда, машины, магнитный браслет, стереоскопические открытки и т. д. Единой темы в разговоре нет.

Естественно, что в этих условиях невозможно выработать привычку строить текст, планировать его части. В письменной и устной монологической речи такое планирование необходимо, и ему надо учить. Каждый учитель-словесник знает, сколь трудно учащимся научиться предварительно составлять план, сколь часто встречается нечеткость строения текста сочинений. Это, бесспорно, следствие влияния разговорной стихии, столь привычной детям с ранних лет. Очень важно выработать у школьников понимание необходимости именно строить текст. Каждый учитель уделяет этому достаточно внимания: коллективно вырабатывается план сочинения, этот план совместными усилиями анализируется, развертывается и т. д. И все же встречается немало беспомощных, «неорганизованных» сочинений, устных ответов и выступлений. Видимо, одной из причин этого является то, что школьники не ощущают в должной мере противопоставленности монологической и разговорной речи. К сожалению, проявляется это не только в школе, но и после ее окончания: многие не умеют написать статью в газету, выступить на собрании, построить достаточно логично доклад и т. д.

Сочинения нередко не только не имеют вступления и заключения, но представляют просто набор ничем не связанных предложений. Так, например, в X классе было написано сочинение на тему «Сатира Маяковского». Приводим его план и концовку.

План.

I. Вступление. Маяковский — поэт-гражданин.

II. Основная часть. Сатира Маяковского.

III. Заключение. Мировое значение творчества Маяковского.

Имя В. В. Маяковского, великого поэта революции, близко и дорого миллионам советских людей. Маяковский вошел в русскую литературу как поэт-гражданин, как поэт-новатор. Маяковский в своем творчестве создает произведения как лирические, в которых он воспевает свою Родину, так и сатирические, в которых он борется с недостатками.

Маяковского заняла сатира. «Оружия любимейшего род», — так определил поэт свое отношение к сатире. Этой теме поэт посвятил немало своих гениальных творений. Среди сатирических произведений Маяковского мы видим стихи «О дряни», «Прозаседавшиеся». В этих произведениях Маяковский часто использует гиперболы, иронии, пародии, юмор, которые дают разные оценки его мыслям. Стихотворение «О дряни» было написано в 1922 году. «Дрянь пока что мало поредела», — писал поэт, неустанно призывая к борьбе с обывательщиной. Уже в первых словах ясно определяется цель поэта. Маяковский показывает супружескую пару. Он радуется прибавке жалованья, мечтает завести себе «галифища» и т. д.

И заключение (без абзаца):

Поэт говорил: «Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна отражать жизнь». Поэзию Маяковского по праву можно назвать настоящей, выражающей мысли и чувства всего советского народа, всего человечества.

Фактически план и сочинение не соотносены, текст не спланирован, а сочинение получило оценку «4».

Конечно, большинство сочинений, если не имеют настоящие вступления, то в них мы хотя бы видим вступительные предложения, как бы выполняющие роль вступления. Бесспорно, есть и очень хорошо написанные сочинения, но в данном случае речь идет не о них. Нам хотелось показать, что даже в X классе наблюдается незнание законов монологической речи, неумение строить текст. Развитию логики мышления необходимо уделять внимание в большей степени, чем это часто делается. Сочинение — это не только проверка знаний произведения, но и прежде всего школа письменной речи, школа мышления.

Монологическая устная речь в организации целого не отличается от сочинения. Она тоже должна строиться по строгому плану, иметь вступление — своего рода зачин, развитие темы и заключение. Но в условиях устной речи это задача еще более трудная: ничего нельзя ни переставить, ни зачеркнуть, трудно помнить, что уже сказано. Естественно поэтому, что ответы учащихся нередко плохо организованы, для них характерно не развитие мысли, а случайные перескоки с одной темы

на другую. И здесь опять мы ощущаем воздействие разговорной речи.

Персональность и непосредственность общения в разговорной речи оправдывают недоговоренности, «перескоки». Даже неясность смысла легко устраняется переспросом: — *А не выяснила ты насчет физкультуры? — Чего физкультуры? — Какие секции когда занимаются. — А-а. Нет.* В монологической речи «перескоки», неясности недопустимы, говорящий должен стремиться к тому, чтобы все было четко и ясно изложено, так как переспрос в неразговорной речи невозможен: «То, что я знаю много, что у меня есть богатая вокабула или богатый голос, что я говорю без запинки, — это еще не значит, что я умею говорить. Умеет говорить человек тот, кто может высказать свои мысли с полной ясностью», — писал А. В. Луначарский.

Письменная речь должна быть еще более ясной и четкой, не допускающей никаких двусмысленностей в понимании написанного. Очень важно в связи с этим обращать внимание школьников на необходимость осторожного использования местоимений. См., например, в приведенном отрывке сочинения о сатире Маяковского: *Он радуется прибавке жалования* (получается, что он — это Маяковский). В разговорной речи в таких случаях следует переспрос (*Кто он-то?*), а в письменной речи неясность так и не устраняется. Ср. довольно известный пример: *Портрет написан известным художником, я недавно видел его на выставке* (портрет или художника?). Особенно недопустимы «неясные» местоимения в деловой речи, на что необходимо обратить особое внимание школьников.

В разговорной речи устойчиво употребляются без опоры на соответствующие прилагательные, без придаточных определения *тот, та* и особенно *такой*: *Он такой человек!* (имеется в виду, что он хороший, отзывчивый, внимательный к людям человек), *Сергей тот еще!* (имеется в виду, что это сложный, трудный в общении человек) и т. д. Привычка к подобному употреблению местоимений характерна и для речи школьников, в результате чего в сочинениях встречаются предложения, напоминающие своим употреблением местоимений разговорную речь: *Роман Лермонтова «Герой нашего времени» — первый философский роман в истории русской литературы. Он по праву может быть назван родоначальником той великой традиции напряженнейшего внимания к коренным вопросам человеческого существования. В своем романе М. Ю. Лермонтов отобразил глубокие социальные противоречия, которые были свойственны русскому обществу в 30-е годы XIX века.*

Разговорная речь почти всегда диалогична, что создает психологические предпосылки своеобразия ее синтаксиса. Крупнейший советский нейропсихолог акад. А. Р. Лурия в книге «Язык и сознание» (М., 1979) обратил особое внимание на

отличия диалогической речи, определяющие ее грамматический строй, ее грамматическую неполноту, свернутость, грамматическую нечеткость, неорганизованность. Он объясняет это несколькими причинами: 1) в результате того, что процесс высказывания разделен между двумя людьми, говорящий может обходиться без собственного мотива высказывания, 2) диалог характеризуется знанием ситуации, 3) в диалоге возможно использовать внеязыковые средства (мимику, жесты)¹.

Именно эти психологические условия создают возможность понимания диалога, приведенного в книге А. Р. Лурия: — *Идет? — Да. — Какой? — Пятый.* (Ситуация ожидания автобуса.) А. Р. Лурия справедливо отмечает бессмысленность использования в данных обстоятельствах развернутых вопросов и ответов типа: *Как вы думаете, идет автобус или не идет? Какое ваше мнение, какой номер приближающегося автобуса?* И т. д.²

Учить разговорному синтаксису детей, владеющих русским языком от рождения, не нужно. А. Р. Лурия подчеркивает, что разговорная речь формируется в процессе естественного общения ребенка со взрослыми и в ней всегда сохраняются элементы связи с практической ситуацией, жестом и мимикой. Письменная речь появляется в результате специального обучения и включает в свой состав сознательные операции синтаксического уровня. А. Р. Лурия пишет: «Поэтому всякое сближение монологической, письменной речи со структурой устной диалогической речи невозможно»³. К сожалению, ученики нередко, как было показано, переносят в свою письменную речь навыки разговорной речи.

В пособии для учителей «Основы методики русского языка в 4—8 классах» (М., 1978) на с. 307 приводится очень важное и интересное указание В. Е. Мамушина, которое следует обязательно учесть, проводя занятия по русскому языку и литературе: «...нужно принять во внимание то обстоятельство, что, овладевая письменной речью, школьники овладевают новым средством общения, что они должны научиться писать с ориентацией на восприятие читателя, научиться передавать читающему средствами письменной речи свои мысли и чувства» (выделено мною. — О. С.). Дело это, конечно, не легкое, естественно, что письменная речь школьников далека от совершенства, так как на ней сказывается привычка к разговорной речи, но помочь учащимся понять отличие разговорной речи от письменной — долг и обязанность учителя-словесника.

¹ А. Р. Лурия относит к внеязыковым средствам и интонацию, паузы (см.: Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 204).

² Там же, с. 205.

³ Там же, с. 213.

РАЗГОВОРНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ В СОЧИНЕНИЯХ УЧАЩИХСЯ И В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ

ОТРАЖЕНИЕ РАЗГОВОРНЫХ ПОСТРОЕНИЙ В СОЧИНЕНИЯХ

Письменная речь, как отмечает А. Р. Лурия, протекает в значительно более медленном темпе, чем устная речь, позволяя перечитывать уже написанное. Она дает возможность не только сознательно контролировать свою речь, но и «делает письменную речь мощным орудием уточнения и отработки мыслительного процесса». «Именно поэтому, — отмечает А. Р. Лурия, — письменная речь как работа над способом и формой высказывания имеет огромное значение и для формирования мышления»¹.

Письменная речь не предполагает знания ситуации адресатом, ее замысел и развертывание полностью определяются пишущим, она почти не имеет внеязыковых средств выражения (в сочинениях рисунки, графики, шрифтовые выделения почти не используются). Поэтому «вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развернутых грамматических средств языка»². К сожалению, школьники относятся к этим особенностям письменной формы речи недостаточно внимательно. Объясняется данное положение тем, что учащиеся не всегда понимают специфику, особенности, присущие письменной речи. Недостаточное внимание к отличиям письменной речи от разговорной приводит к проникновению в школьные сочинения ошибочных построений, отражающих специфику разговорной речи. Подчас этих ошибок значительно больше, чем других. Так, например, Н. А. Канова³ провела специальный анализ 230 сочинений учащихся VIII—X классов г. Камышина. В результате этой работы было выяснено, что, помимо чисто орфографических и пунктуационных ошибок, в сочинениях имеется 634 речевые ошибки, из которых 458 объясняются влиянием разговорной речи. Рассмотрим типологию таких ошибок и определим их сущность.

¹ Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 214.

² Там же, с. 211.

³ См.: Канова Н. А. Речевые ошибки в сочинениях учащихся старших классов средней школы (Дипломное сочинение. Саратов, 1980. Хранится на кафедре русского языка Саратов. университета).

Ошибки, обусловленные разговорным порядком слов

Ошибки, отражающие порядок слов, присущий разговорной речи, можно разделить на три группы: а) ошибочное расположение слов в словосочетании; б) ошибочное расположение частиц, союзов, союзных слов; в) ошибочное расположение слов в предложении как части текста. Все названные типы ошибок встречаются довольно часто и, к сожалению, не всегда бывают отмечены учителем.

а) Ошибочное расположение слов в словосочетании.

Как показывает анализ сочинений, поступавших в вузы в начале семидесятых годов (в 1960, 1961 гг.), довольно типичной ошибкой в этот период было неумелое использование авторами словосочетаний с согласованными определениями. Так, например, в сочинениях можно было прочитать: *В последнее время мы (уже не пионеры, а старожилы) вели работы строительные на больничном комплексе или Давыдов приехал в Гремячий Лог создавать колхоз. Партийной организацией не было крепкой; Она живет жизнью миллионов жен рабочих фабричных.*

В начале восьмидесятых годов ошибочные построения почти исчезают в сочинениях школьников старших классов. Это объясняется в значительной степени тем, что в учебнике русского языка для VII—VIII классов был сделан ряд уточнений, говорящих о строении словосочетаний и предложений (см. § 8. «Связь слов в словосочетании и предложении»). Учителя, анализируя материал указанного параграфа, обязательно отмечают, как следует строить словосочетания, предупреждая этим появление отмеченной выше ошибки.

Следует сказать, что отмеченное ранее использование словосочетаний с согласованными определениями широко используется в разговорной речи. Очевидно, при написании сочинения учащиеся не сразу находят нужное прилагательное, добавляют его в процессе формирования всего предложения. Это подтверждается тем, что в черновиках обычно такие прилагательные отсутствуют (из черновика: *вели работы на больничном комплексе*) или нет целиком самих предложений. Школьники, видимо, в данном случае шли вслед за появлением в сознании понятия без специального оформления всего высказывания. Указанный способ принято считать ассоциативным принципом построения разговорной речи, противостоящим иерархическому развертыванию мысли в письменной речи.

Ошибки наблюдаются также при использовании словосочетания с несогласованным определением, с дополнениями (с управляемыми словами). Правда, ошибки в размещении зависимых слов в данных словосо-

четаниях не выглядят очень грубыми. Например: *В «Евгении Онегине» Пушкин стремится к объективному, реалистическому изображению. В романе отразилась историческая эпоха, представшая через историю героев и объективное повествование. Воспитание Онегина Пушкин показывает так: круг чтения, сфера интересов — все это лишено основ (VIII класс); Но Печорин издалека подслушал, как Грушницкий с товарищами договаривался, как устроить дуэль (VIII класс); Печорина глаза не смеялись (VIII класс).*

Значительно хуже обстоит дело с размещением слов в сложных словосочетаниях. В школьном учебнике русского языка, к сожалению, нет правила о размещении слов в таких словосочетаниях, не приводятся примеры таких словосочетаний, отсутствуют упражнения на их построение. Вместе с тем сложные словосочетания встречаются в письменной речи довольно часто, правильно построить их нелегко. В разговорной речи они подаются как бы «порциями», т. е. единое словосочетание фактически отсутствует: *Гончаров создал типичный образ. Для его современников. Письменная речь требует иерархической организации словосочетания: образ (какой?) типичный; типичный (для кого?) для его современников. Типичный для его современников — словосочетание, являющееся определением к существительному образ. Следовательно, для письменной речи возможны два варианта: 1) Гончаров создал типичный для его современников образ; 2) Гончаров создал образ, типичный для его современников. Оба эти построения настолько сложны, что в разговорной речи почти невозможны. Школьники обычно с ними явно не справляются: Гончаров создал типичный образ для его современников; Обломов стал бесполезным человеком для общества; Обитатели ночлежки были разные по профессии люди и по социальному происхождению (примеры из вступительных сочинений); Пушкин создал типичный образ для его современников (пример из сочинения VIII класса); Маяковский показал типичный образ для мещан (пример из сочинения ученика X класса); Он был отзывчивый человек для других (пример из сочинения ученика IX класса) и т. д. К сожалению, подобные ошибки мы встречаем даже в печатных изданиях: *Спруты — это многорукие чудовища, которые в два-три раза, а может быть, и в большее число раз могут превосходить знаменитый найденный экземпляр нашим соотечественником Веррилом*¹.*

¹ См.: Чижевский Г. Архитойтис. — Мир приключений. М., 1962, с. 284. См. также примеры из газет, приведенные Н. Г. Долининой: *представленные картины на выставку; выведенные породы свиней в колхозе; завершённые работы писателями.* Н. Г. Долинина подчеркивает распространенность таких ошибок в речи школьников (в кн.: *О родном нашем языке.* Библиотека «Известий», № 3. М., 1961, с. 48).

Во всех приведенных случаях разорвано зависимое словосочетание, образованное прилагательным или причастием. В стабильном учебнике русского языка словосочетания такого типа, как уже отмечалось, не приводятся (есть только *по-осеннему дождливый*, *по-зимнему холодный*, *серый от пыли*, но и они даны не в составе более сложных словосочетаний типа: *серый от пыли автомобиль*), о зависимых словосочетаниях ничего не говорится¹, и это очень затрудняет как учителя, так и учащихся.

К сожалению, затруднения в построении указанных словосочетаний со временем не проходят, о чем говорят многочисленные ошибки в печати, в объявлениях по радио и телевидению (*Купленные билеты на 10 января действительны на 12 января*).

Еще чаще в письменной речи происходит объединение нескольких словосочетаний, построенных на основе управления. Разговорная речь из-за своей непродуктивности (см. с. 48) располагает слова вне строгой зависимости от их грамматических связей. В разговорной речи словосочетания свободно разрываются. Эту свободу школьники (да и взрослые) нередко переносят в письменную речь: *В царской России занимались лучшие умы изучением космоса*; *Маяковский много совершает поездок за границу* (примеры из вступительных сочинений).

Особенно большие затруднения у школьников вызывает объединение словосочетаний с разными главными словами. В результате возникают ошибки типа: *Однажды Андрей Штольц и его друзья приглашают поехать Обломова на весенний праздник* (*приглашают Обломова*; *поехать на весенний праздник*); *Бесхозяйственность мешает строить нам коммунизм* (*мешает нам*; *строить коммунизм*); *Она преисполнена любви к тем людям, которые помогли найти ей правильный путь* (*помогли ей*; *найти правильный путь*) (примеры из сочинений на вступительных экзаменах); *Вот вся эта противоречивость не дает возможности жить Печорину полной жизнью* (пример из сочинения ученика VIII класса); *Это не позволяет жить Раскольникову как все люди* (пример из сочинения ученика IX класса).

При изучении строения словосочетаний нужно раскрыть учащимся структуру таких словосочетаний, показать их особенности, объяснить, что в результате «разрыва» словосочетания в ошибочно построенных словосочетаниях может возникнуть двусмысленность содержания (*найти ей/для нее*, т. е. не она нашла правильный путь, а ей нашли).

¹ Упражнение 76 (*В раздумье идти по площади*; *Информировать об открытии выставки* и т. д.) положения не спасает: всего одно упражнение пассивно аналитического типа, на самые простые по составу словосочетания.

Анализ письменных работ учащихся показал, что ошибки допускаются в строении словосочетаний с одним главным членом: *Главная тема романа — показать руководящую роль в строительстве социалистического государства нашей партии (ср.: роль нашей партии, роль в строительстве).*

Работа со словосочетаниями усложненной структуры совершенно необходима. Интересный и очень хороший материал можно найти в текстах учебников, в сочинениях учащихся, в газетных статьях.

б) Ошибочное расположение частиц, союзов, союзных слов.

Иногда в сочинениях под влиянием разговорной речи проникает недопустимое в письменной речи расположение частиц и союзов. Например: *Он работал очень усердно, даже спать ложился когда, то под голову клал письмо, чтобы быстрее взяться за работу* (пример из сочинения ученика X класса). Часто в начале предложения используется союз *также*. *Так же она приносила литературу в завод и передавала ее друзьям Павла; Так же хочется отметить и большое число героев романа* (примеры из сочинений учащихся X класса).

Особенно типичной ошибкой является отрыв определительного придаточного с союзным словом *который* от определяемого существительного: *Этот период раскрывает политические события в истории России и Европы, в который складывался и сложился тип человека, подобного герою пушкинского произведения* (пример из сочинения ученика VIII класса); *Позднее, только в третьей главе, мы узнаем о статье, написанной Раскольниковым за полгода до происходящих событий, в которой он коснулся вопроса о преступлении* (пример из сочинения ученика IX класса) и даже с искажением смысла: *Это стихотворение Маяковский направил на бюрократизм и волокиту в государственных учреждениях, которые являются злейшими врагами Советской власти* (пример из сочинения ученика X класса).

в) Ошибочное расположение слов в предложении как части текста.

Письменная речь предполагает стройное развертывание мысли в соответствии с задуманной темой. Предложение должно занять в целом тексте определенное место. С этим связаны законы построения отдельных предложений в письменной речи — законы порядка слов.

До тех пор пока в учебнике русского языка не было введено специального правила, говорящего о расположении слов в предложении в зависимости от степени их важности, значимости, в сочинениях учащихся часто можно было встретить предложения, логически не связанные в единый текст. Например: *Я люблю книги о войне. Я узнаю о героях из них* (пример из сочинения ученика VII класса); *Чацкий провозглашает гу-*

манность и уважение к простому человеку. Гнев Чацкого вызывает отношение фамусовского общества к службе. Оно видит источник личных выгод и богатства в службе (пример из сочинения ученика VIII класса); Началась Великая Отечественная война советского народа с немецкими захватчиками. Советские люди проявляли чудеса, героизм и храбрость на фронтах войны (из вступительного сочинения) и т. д.

После введения в школьный учебник упоминания о том, что наиболее важное в сообщении слово ставится в конце предложения, подобных ошибок стало значительно меньше. Однако если учитель не обращает внимания на такие ошибки, то они могут возникнуть при написании сочинения.

В большинстве сочинений конца 70-х годов порядок слов используется для организации текста. Например: Роман «Евгений Онегин» Пушкин начал писать 9 мая 1823 г. в южной ссылке. План романа в течение семи лет менялся. Последний набросок включает в себя 10 глав. В десятой главе говорится о зарождении тайных декабристских обществ. И т. д. Но влияние разговорной речи все еще ощущается при построении текста сочинений. Так, например, в сочинении читаем: Трагична судьба сестры Раскольникова Сони. Невероятно тяжело жить в капиталистическом обществе девушке (пример из сочинения учащегося IX класса). Видимо, анализируя тексты художественных произведений, следует постоянно показывать, как строится текст, какова взаимосвязь между предложениями, как логически развертывается повествование. Такой анализ приучает школьников более внимательно относиться к построению предложений, помогает понять закономерности взаимосвязи предложений в тексте.

Ошибки, обусловленные ассоциативным принципом построения текста

Разговорная речь почти не знает логически развернутых организованных текстов. Это же мы наблюдаем и в письменных работах (сочинениях) учеников. Ранее уже говорилось о несоответствии плана и текста сочинений. Остановимся на других недостатках организации текста.

Во многих сочинениях господствует ассоциативное низывание предложений, фактически несвязанных между собой не только грамматически, но и по смыслу. Например: В городе N... было много чиновников. И всех их объединяет одно стремление — разжиться. Они все играют в карты, пьют. Все чиновники мало были образованы. Они все уважают разные вечеринки и ужины. Они жили праздно. Обществу чиновников были не чужды дуэли. Если ссорятся дамы, то ссорятся и их мужья. Помещики и чиновники не обременяют себя заботами о государстве. Тем и другим чуждо понятие

гражданского долга (из сочинения на тему «Образы чиновников в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя»). Конечно, приведенный нами фрагмент сочинения беспомощен по содержанию, но нам важно показать, что даже это примитивное содержание автор не сумел правильно оформить в единый текст.

Даже в хороших по содержанию сочинениях широко представлено присоединение предложений, характерное для разговорной речи: *Комедия «Горе от ума» была написана в девятнадцатом веке А. С. Грибоедовым. Во время царствования Александра I. В другом сочинении той же ученицы VIII класса читаем: Главная мысль «Онегина» — показ жизни дворянского сословия и общества в том виде, в каком они находились в изображенную автором эпоху, то есть в двадцатых годах девятнадцатого столетия. Так же рассказ о политических событиях, происходивших в те годы в России. И о появлении первых революционеров-дворян. А вот отрывок из третьего сочинения этой же ученицы: «Водяное общество» — та социальная среда, к которой принадлежит главный герой романа. Но он скучает в обществе мелких завистников, лишенных элементарной порядочности. В душе его созрело к ним отвращение.*

Все три сочинения восьмиклассницы, отрывки из которых приведены, отличаются сложным синтаксисом, автор не избегает ни сложных предложений, ни обособленных оборотов. И все же влияние разговорной речи проявляется: автор без особой цели использует присоединения. Видимо, недопустимость в письменной речи таких добавлений ученица не осознает. Встречаются, конечно, в сочинениях примеры осознанного использования присоединения как стилистического выразительного средства: *Петербург. Старинный город. Сколько воспоминаний окутывает тебя, сколько труда вложено, чтобы ты стал одним из красивейших городов мира. И так стало. Но все ли счастливы, живущие здесь? Вот одна из улиц Петербурга (...) Ну а может быть, это только здесь? Совсем нет. Но ведь это люди. Прадеды которых строили этот город. Умирали от странных болезней и голода. И вот им досталась такая участь (пример из сочинения ученика IX класса). Но чаще присоединенные, а не связанные к текстом предложения используются не в качестве особого стилистического приема, а в результате недостаточной заботы об организации текста. Например: *Десятая глава романа, задуманная еще в 1829 году, написана в Болдине в 1830 г. и сожжена им 19 октября 1830 г. В десятой главе Пушкин описал великие исторические события своего времени. Отечественную войну 1812 г. Восстание против самодержавия 14 декабря 1825 г.; Евгений мог говорить по-французски и писал. Также мог легко мазурку танцевать. Читал Адама Смита (...). В то время, когда Онегин разочаровывается в этой жизни, его друг Ленский, наоборот, все глубже входит в эту жизнь. Также Пушкин описывает воспитание де-**

вушек в дворянское время (примеры из сочинений учеников VIII класса).

Встречаются подобные «перескоки» мысли даже в сочинениях десятиклассников: *Но самое большое достоинство романа — это то, что во всей этой коловерти событий очень красочно был показан основной сюжет романа — взаимоотношение главных действующих лиц: Алексея Звягинцева и Веры Королевой, которые кончаются тем, что они полюбили друг друга. Заканчивается роман описанием прорыва блокады.*

Задача учителя заключается в том, чтобы последовательно, на уроках не только русского языка, но и литературы обращать внимание учащихся на то, как строится текст в произведениях русских писателей, каковы особенности синтаксических построений, в чем суть взаимосвязи предложений в абзаце, в целом тексте.

Неправильности использования в сочинениях местоимений как отражение специфики разговорной речи

Нередко в сочинениях и изложениях учащихся мы встречаем бесконечные *он, она*: *Жили-были старик и старуха. Горе у них было в том, что не было детей. Высыпались на улицу ребятишки, а старики сидят-сидят у окошка и думают про свое горе. Пошли они в огород лепить себе дочку. Скатал старик руки, ноги. Приставили снежную голову. Вышла она из снега, страхнула с себя снег и пошла живая девочка. Глядит она на стариков, у нее губы порозовели, глаза заходили во все стороны. Повели они ее домой. Наступила весна, стало солнце пригревать. Росла она умная, послушная, стройная (отрывок из изложения ученика V класса); После прочтения этого стихотворения («Прозаседавшися». — О. С.) В. И. Лениным он дал высокую оценку этому произведению (пример из сочинения ученика X класса). Выделены в приведенных примерах те местоимения, которые можно понять неправильно (*она* — голова, весна, *он* — непонятно кто). На эти факты неумелого использования местоимений обязательно надо обращать внимание учащихся, иначе школьники не смогут понять специфику употребления местоимений в речи, художественных текстах, в деловых бумагах, газетных статьях и т. д.*

Из разговорной речи в сочинения переносится иногда безопорное употребление местоимений. Например: *По плану Пушкина в романе должно было быть десять глав, но она (?) не могла пройти по цензурным причинам (из сочинения ученика X класса); Роман Лермонтова «Герой нашего времени» — первый философский роман в истории русской литературы. Он по праву может быть назван родоначальником той (?) великой традиции напряженнейшего внимания к коренным вопросам человеческого существования (из сочинения ученика VIII класса).*

Как видим, учащиеся не всегда воспринимают двусмысленность, возникающую при неуместном употреблении местоимений, сложность использования их в письменной речи. Учитель должен обязательно обращать внимание школьников на то, как нужно употреблять местоимение, показывать это на примерах.

Неполнота предложений в письменной речи как отражение особенности разговорной речи

В письменных работах учащихся, особенно начальной школы, а также IV и V классов, часто встречаются предложения незавершенные. Это специфика, как отмечалось, разговорной речи. Следуя принципу «пишу как говорю», учащиеся начальной школы последовательно повторяют свои устные фразы на письме, соединяя вместе несколько предложений. В результате этого возникает незавершенность, неполнота предложений. Например, в изложении пятиклассника читаем: *Наступила весна, зазеленела трава, лопаются почки, а Снегурочка запечалилась, но вот однажды надвинулась туча, посыпался град, обрадовалась Снегурочка, выбежала на улицу, словно жемчужины, перекатывается град из руки в руку. А град перестал, и Снегурочка заплакала. За весной лето. Собрались девушки в лес.*

В письменных работах учеников старших классов это явление редко. Но при однородных сказуемых недопустимая неполнота (отсутствие обязательных распространителей) встречается даже в сочинениях старшеклассников: *Катерина мечтала и стремилась к настоящей любви; Бессмертны имена, кто отдал свою жизнь за свободу; Наш город очень молодой, а потому очень много молодежи.*

Замена книжных конструкций разговорными

Во многих письменных работах учащихся встречается замена книжных конструкций разговорными. Нельзя сказать, что такая замена является ошибкой. Дело в том, что некоторые разговорные конструкции стилистически более благозвучны, более соответствуют всему стилю сочинения. Сопоставьте несколько книжных и разговорных конструкций и увидите, что разговорные сочетания выразительнее.

Книжные

Разговорные

Во время рассказа

Когда она рассказывала

Рад приезду

Рад, что приехал

Учиться плаванию

Учиться плавать

В сочинениях: *Когда смотришь на картину (при взгляде на картину), то становится жалко этих бурлаков; Первый бурлак был обросший, усталый, в лохмотьях, у него болит плечо (с*

больным плечом); *Катерина предпочитает — умереть, чем жить в неволе* (смерть — жизни в неволе); *Когда Печорин приехал на воды, он* (после приезда на воды Печорин...) и т. д.

Однако в деловом и научном стилях предпочтение следует отдать книжным конструкциям, более нейтральным. К сожалению, школьники оказываются не подготовленными к использованию этих книжных сочетаний. Это сказывается в их письменных работах по русскому языку, физике, химии, истории, а также в устных ответах по указанным предметам. Например: *Подлежащее — когда задаем вопрос кто? что? сказуемое — когда что делает?; Существительное — это когда слово склоняется; Антонимы — когда у слов противоположные значения* и т. д.

Чтобы преодолеть указанный недостаток, следует, видимо, активнее использовать те упражнения, в которых предусмотрена замена разговорных конструкций книжными. Полезным нужно считать также проведение стилистического анализа правил и особенно описаний опытов, приводимых в учебниках физики, химии. Борьба с так называемой канцелярщиной речи заслуживает всяческого поощрения. Но нельзя забывать при этом, что неумение составить официальный документ, написать правильно протокол собрания также говорит о недостаточном владении языком.

Видимо, нужно в большей мере, чем это делается сейчас, использовать в качестве текстов для упражнений книжные отрывки, деловые документы. Подобные упражнения помогут учащимся избежать многих ошибок, невнимания к оборотам с управлением, что в свою очередь ведет к неверному использованию предлогов *о, по*: *В школе многое делается по художественному воспитанию детей; Еще не все сделано по улучшению торговли овощами и фруктами; Обсуждение о расширении посевов твердой пшеницы; Задания по июлю месяцу; Просим изыскать возможности по изысканию средств на окончание работ* и т. д.

Отрицательное отношение в школе ко всему канцелярскому оборачивается безграмотностью служебных документов, торговых ярлыков и инструкций. Не слишком ли это дорогая цена? Видимо, учитель должен не только говорить о недостатках книжных оборотов, а учить им, но с указанием границ употребления.

Следует отметить, что учащиеся в результате систематической работы, постепенно переступая ступеньки классов, начинают осваивать законы письменной речи. Одни и те же ученики, совершенно беспомощные в выражении своих мыслей в VI классе, начинают довольно свободно пользоваться письменной речью в старших классах. Но для достижения этого требуется большая работа по развитию письменной речи учащихся.

ОТРАЖЕНИЕ РАЗГОВОРНЫХ ПОСТРОЕНИИ В УСТНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Особенно сложной является задача развития монологической устной речи учащихся. Как известно, монологическая устная речь широко используется и на лекции, и в так называемых беседах (о воспитании детей, на антирелигиозные темы и т. д.), в выступлениях на собраниях, при участии в дискуссиях и т. д. Монологическая устная речь, с одной стороны, близка к разговорной речи, поскольку их материальная основа (звуки) является одной и той же, с другой стороны, монологический характер речи сближает ее с письменной формой, тем более что истинный монолог возможен только в условиях неперсонального общения.

Устная речь, используемая в общении с широкой аудиторией, с массами, т. е. публичная речь, сближается с письменной речью еще сильнее. «Задачи направленности этой речи в адрес широкой аудитории и факторы содержательного плана делают ее интеллектуализированной и потому в высокой мере соотносительной с соответствующим письменным текстом — научным, публицистическим, деловым, художественным. Устная же форма осуществления требует ее соотнесенности со звучащей речью бытового содержания, где в полной мере реализуются особенности спонтанного, линейно организованного во времени речевого потока»¹, — отмечает современный советский лингвист О. А. Лаптева.

С письменной речью публичную речь сближает не только монологичность, но и подготовленность, предварительная продуманность, организованность, развернутость высказываний; с разговорной — нежелательность, а подчас и недопустимость использования в устной речи ряда синтаксических конструкций, свойственных письменной речи (причастные и деепричастные обороты, многокомпонентные словосочетания и сложные предложения и т. д.), и возможность разговорных нарушений кодифицированных норм литературного языка.

Очень хорошо эта «промежуточность» публичной речи раскрыта Т. А. Ладыженской, специально оговорившей неправомерность предъявления к устной речи учащихся тех же требований, какие предъявляются к письменной речи. Т. А. Ладыженская совершенно справедливо квалифицирует многое присутствующее в устной речи учащихся «именно как ее особенности, а не как нарушение норм литературного языка»². Т. А. Ладыженская подробно рассматривает в своей книге методику работы учителя

¹ Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля. — Вопросы языкознания, 1978, № 1, с. 24.

² Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М., 1975, с. 14.

по развитию навыков публичной речи, описывает приемы подготовки к устным высказываниям, приводит показатели уровня развития навыков связной речи и т. д.

В дополнение к тому, что говорится в этой очень интересной и нужной учителю книге, следует обратить внимание на ряд конкретных языковых отличий устной публичной речи от письменной, а публичной речи от речи разговорной.

ОТЛИЧИЯ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ОТ ПИСЬМЕННОЙ

Устная публичная речь¹, как уже отмечалось, вне зависимости от ее подготовленности, производится говорящим в условиях своеобразного цейтнота: говорящий не имеет возможности мысленно оценить удачность каждого слова, каждой фразы до их произнесения, не может и исправить ошибку, так, чтобы она полностью была устранена для слушателя. Народная мудрость очень тонко подметила эту особенность устной речи в пословице: *Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь*.

Устная публичная речь предполагает, что говорящий не должен пользоваться теми языковыми средствами, которые его затрудняют при производстве речи: следует избегать труднопроизносимых слов и сочетаний слов, многокомпонентных составных числительных, длинных предложений, ибо при их произнесении возможны невольные ошибки. Опытные ораторы так и поступают. Однако бывают случаи, когда употребить труднопроизносимое слово, многокомпонентное составное числительное и т. д. совершенно необходимо. Поэтому учитель должен не столько учить школьников избегать в устной речи всего трудного, сколько тренировать их на произношении подобных слов, склонении числительных, добиваясь правильного употребления. Школьники должны научиться готовиться к устным выступлениям, осмысливая и продумывая их не только по содержанию, композиции, но и тренируясь в свободном проговаривании всего текста предстоящего доклада, обращая особое внимание на каждое трудное слово или фразу.

Однако существуют и отличия «запретительного» типа. Как уже говорилось, не следует использовать в устной речи причастные и деепричастные обороты. Тренировка учащихся должна сводиться в данном случае не к употреблению этих оборотов, а к замене их в устной речи сложными предложениями. Полезны в этом отношении устные пересказы письменного текста, насыщенного нежелательными в устной речи оборотами.

Эти своего рода «запретительные» отличия публичной устной речи от разговорной связаны прежде всего с особенностями восприятия устной речи: читающий может несколько раз перечитать текст, предложение, его часть, слушающий такой возможности не имеет, а оперативная память человека ограничена

¹ Под устной речью понимается только говоримая, но не читаемая речь.

в объеме: длинные, сложные по структуре предложения оказываются за пределами психологических (или даже физиологических) возможностей восприятия.

Устная речь — звучащая — имеет гораздо больше свободы в использовании экспрессивного порядка слов, чем письменная. Рема, самое главное для говорящего слово, выделяется в устной речи интонационно. Поэтому устная речь отличается от читаемой своим порядком слов. И это одна из причин, из-за которой читаемый текст воспринимается хуже, чем произносимый.

Однако тут же следует предостеречь от пренебрежения к текстовой роли порядка слов. В монологической речи, в отличие от разговорной, эту функцию выполняет порядок слов. Тема обычно ставится в начале предложения, что облегчает восприятие логических связей текста, подготавливает слушателя к восприятию ремы. В связи с незнанием выступающими данной закономерности наблюдаем часто встречающуюся ошибку в публичных объявлениях: в соответствии с законами разговорной речи самое важное ставится в начале (*Кропоткинская следующая*), но еще не подготовленный к восприятию ремы слушатель (особенно приезжий) слышит не название станции метро, а только «следующая». В последние годы в Москве текст таких объявлений изменен в соответствии с требованиями публичной речи (*Следующая станция — Кропоткинская*).

Опытные лекторы, готовя конспект, либо избегают сугубо письменных построений, либо на ходу свободно перестраивают его, беря из конспекта лишь содержание, суть вопроса, но не форму выражения: устраняют деэпричастные и причастные обороты, заменяют *так как* на *потому что* и т. д. Все сказанное свидетельствует о том, что школьников надо учить использовать план-конспект, не содержащий полного текста выступления.

Публичная устная речь в отличие от письменной широко использует так называемые лишние слова, которые не только заполняют паузы, облегчая выступающему само «производство» речи, но и позволяют слушателям усвоить сказанное, осмыслить его. Интересные в этом плане примеры приведены современным исследователем разговорной речи О. А. Лаптевой в статье «Современная русская публичная речь в свете теории стиля» (Вопросы языкознания, 1978, № 1, с. 31): *Вот значит такое общее очень соображение можно было бы снять (из выступления на заседании), вот такой же случай с газетой; вот хотя я предупредила, что будет контрольная.*

В публичной речи может использоваться не только качественная конструкция с местоимением, но и «негладкая» конструкция типа: *Ну, приговор... он... законом очень детально, так сказать, определяется* (из беседы в юридической консультации); *Сейчас вся основная работа на кафедре она падает на товарища Ходакова* (из выступления на собрании).

Возможны также перестройки фраз: *Когда разговаривали с ним/то это и ученый достойный* (из выступления на заседании), их наложение (интерференция): *Возникает проблема уровня языка над которой бьются лингвисты в последнее время многие лингвисты этим занимаются* (из выступления на конференции)¹ и т. д.

В письменной речи все эти нарушения, конечно, недопустимы, их следует исправлять, в то время как в устной речи они чаще всего незаметны и простительны.

ОТЛИЧИЯ УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ ОТ РАЗГОВОРНОЙ

Отличия устной публичной речи от разговорной необходимо знать и четко представлять. Прежде всего следует подчеркнуть, что публичная речь не адресована персонально, она рассчитана на понимание не одного собеседника, а многих слушателей. Говорящий не может надеяться на понимание с полуслова, поэтому речь его должна быть достаточно полной, развернутой.

Поскольку публичная речь выходит за пределы ситуации, она требует значительно большей точности выражения, а следовательно, особой заботы о форме выражения. Очень важно в связи с этим тренировать учащихся подыскивать синонимичные слова и выражения, обсуждать, насколько удачно подобрано то или иное слово. Без такой работы невозможно подготовить яркое, выразительное, воздействующее публичное выступление.

Публичная речь не терпит небрежности, допускаемой в разговорной речи, ее обращения к первому пришедшему на ум слову (*скафандры* вместо *противогазы*, *Гамлет* — *танцующий* и т. д.).

Публичная речь в отличие от разговорной должна быть хорошо построена: иметь четкую композицию, соответствующее вступление, основную часть и заключение. «Программа высказывания должна тормозить все побочные ассоциации», — пишет А. Р. Лурия¹. Этим публичная речь сближается с письменной. Закономерно, что в процессе подготовки к публичным выступлениям часто используется письменная форма речи: составляются план, конспект выступления, делаются какие-либо записи. Такая подготовка необходима не только для того, чтобы лучше организовать монологическую устную речь, сделать ее связной, выразительной, но и прежде всего для того, чтобы отработать, уточнить собственную мысль.

Все устные ответы учащихся являются хорошими или плохими фактами публичной речи, и оценивать их надо с этой позиции.

¹ Пример из статьи О. А. Лаптевой, с. 31, 33.

Конечно, публичная речь имеет свои разновидности, и ответ ученика на уроке не может и не должен походить на выступление того же ученика на собрании. Но общего между ними, пожалуй, больше, чем различного.

Публичная речь требует четкости произношения, следовательно, напряжения органов речи. Учитель должен требовать от учеников, чтобы они отвечали в классе громко и отчетливо (слышать их должен не только учитель, но и весь класс), не глотали концы фраз. В разговорной речи ослышки предупреждаются знанием того, о чем идет речь, наличием обсуждаемых предметов. Возможное непонимание сейчас же устраняется переспросом. В обычных разговорах люди слышат, что сказал собеседник, потому что понимают его с полуслова, догадываются. В условиях публичной речи на это рассчитывать нельзя.

Итак, занимаясь развитием письменной и устной речи учащихся, учитель должен все время иметь в виду, с одной стороны, различия письменной и устной речи, а с другой — возможность разговорных ошибок как в той, так и в другой речи. Разумеется, учитель не может быть равнодушен и к культуре разговорной речи школьников. При всей свободе разговорной речи, допустимости в ней отступлений от литературного языка необходимо постоянно внушать ученикам, что разговаривать они должны не на жаргоне, а на разговорной разновидности литературного языка.

Культура разговорной речи — это соблюдение разговорных норм литературного языка. В фонетике это соблюдение произносительных норм: допустима сильная редукция, но недопустимо оканье, яканье, цоканье, необходимо бороться с нелитературным произношением *г*, твердым *ч* и т. д.

В морфологии — это непростительность ошибок в склонении и спряжении: недопустимы «в пальте, пальта»; «ни хотим, кош-тишь»; «у маме», «у сестре»; «училси, смеюся».

В синтаксисе при всей его разговорной свободе должны осуждаться случаи неправильного согласования типа «зубная врач», «молодежь без шляп бегает» и т. д.

Но особенно важно не допускать засорения разговорной речи жаргонными и грубыми словами, использования в качестве заполнителей пауз бранных выражений, употребления нелитературных фразеологизмов типа *всю дорогу* в значении 'всегда', *ни грамма* в значении 'несколько'.

Нужно вырабатывать у школьников чувство ответственности за русский язык, за сохранение его красоты, богатства, выразительности, точности.

¹ Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 207.

РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В АВТОРСКОЙ РЕЧИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Основным фоном авторского повествования в художественных произведениях является художественный стиль. Однако в некоторых произведениях, особенно публикуемых в последние годы, в авторскую речь широко включаются разговорные конструкции. Это объясняется тем, что таким включением авторы стремятся приблизить свою речь к устному рассказу, средствами письменной речи создать впечатление устной речи. Так создается впечатление народного сказа (сказы П. Бажова), рассказа бывалого солдата («Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, «Сашка» В. Кондратьева) и т. д. В этих целях частично используется лексика, не столько разговорная, сколько сниженная, просторечная. Например: *По всем военным правилам надо бы пост на тот взгорок и выдвинуть, но побоязничал — от роты далековато. Если немец прихватит, помощи не докличешься, потому и сделали здесь. Прогляд, правда, неважный...* (В. Кондратьев. Сашка).

Для создания впечатления сказа наиболее распространенным является использование несвойственной письменной речи порядка слов и главным образом порядка слов с так называемой фольклорно-стилевой окраской. Основное его отличие заключается в расположении подлежащего после сказуемого: *К вечеру, как отстрелялся немец, пришло время заступить Сашке на ночной пост. У края роци прилеплен был к ели редкий шалашик для отдыха* (В. Кондратьев. Сашка); *Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин. Пришло ему раз письмо из дома. Пишет ему старуха-мать <...>. Пошел он к полковнику...* и т. д. (Л. Н. Толстой. Кавказский пленник).

Фольклорно-повествовательная окраска такого порядка слов специально оговорена в книге И. И. Ковтуновой «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложений» (М., 1976, § 109).

Сказовой характер авторской речи, создающий особый образ рассказчика, отличный от автора, встречается не часто. Да и оба элемента (лексический и линейный — порядок слов) не являются собственно разговорными.

Второй тип включений разговорной речи в авторское повествование служит для сближения с речью персонажей, т. е. разговорные элементы становятся сигналами несобственно-прямой речи. Здесь опять-таки основную роль играют лексические элементы (не столько разговорные, сколько просторечно-сниженные) и порядок слов. Так, например, в произведении К. Симонова читаем: *Связисты еще тянули провод из той воронки, за полкилометра отсюда, где Синцов сидел перед последним броском. Они мешкали, но торопить их было неохота; Шел обратно по окопам, недовольный Богословским, который хотя и занял все, что приказано, но теперь что-то волынит с донесением.*

В порядке слов самым ярким сигналом разговорности является расположение дополнений впереди управляющего слова: *Если бы Селезнев, ординарец, был жив, то, конечно, не забыл — раненого в дорогу одел бы полушубком* (К. Симонов. Солдатами не рождаются).

В качестве сигнала перехода к несобственно-прямой речи используется также неполнота предложений, ассоциативные, а не логические связи при построении текста, повышенная эмоциональность (на письме отраженная восклицательными знаками). См., например, отрывок из романа К. А. Федина «Костер»: *Аночка в Бресте! Она сама сказала ему, сама произнесла — Брест. Почему он сразу не подумал об этом? Не важно. Все не важно. Она там, где огонь. На границе! Может быть, он ослышался? Почему не переспросил ее? Неужели она действительно выговорила это? Не ошибся ли он? Ее последние слова были «Очень — очень!» Но почему — последние? Что это? <...>*

В комнате грянул марш. Походный марш. Такой бодрый веселый. С такими форшлагами, трелями. Из-за той же неподвижной шторки. Надо готовиться. Аночка второй день в Бресте. Сегодня она должна играть спектакль. Сегодня с рассвета она в огне. Надо прежде всего телеграфировать. Нет, послать радиограмму. Не растеряться. В этом все дело.

В последние годы манера изображать события не через авторское их видение, не от себя, а через восприятие какого-либо персонажа, его глазами, его мыслями, его «голосом» настолько распространилась, что видоизменило средние характеристики повествовательной нормы. В некоторых произведениях последних лет авторская речь фактически почти совсем отсутствует. Например, в повести Ю. Крелина «На что жалуетесь, доктор?»: *Наконец дом. Наконец сын. Единственное, что дает бессмертие — дети. Если бессмертие нужно. А кто это бессмертие будет создавать? Самому надо. Видишься мало. Воздействия никакого.*

Подобный прием, хотя и в меньшей степени, использовался в произведениях В. Пановой (ср., например, «Спутники» и

«Сережа», написанные «голосом» явно разных людей: в «Сереже» все события даны через восприятия ребенка), К. Симонova («Солдатами не рождаются»). Например: *Все, что было необходимо и положено заранее сделать и приказать у себя в батальоне, Синцов сделал и приказал до начала артподготовки. Теперь оставалось только одно — ждать.*

Там, впереди, умирали немцы. Умирали и должны были умирать, потому что они пришли сюда, потому что не сдались вчера, когда им предлагали, потому что когда-нибудь должен быть конец всему этому здесь в Сталинграде... (К. Симонов. Солдатами не рождаются); Глядя на эту маленькую высоту, торчавшую перед ротой Лунина, Синцов мельком подумал, что, взяв ее, мы окажемся на фланге у большой высоты. А раз так, потом и большая легче посыплется (К. Симонов. Солдатами не рождаются); Выдумали, будто он на девочку похож. Это прямо смешно. Девочки ходят в платьях, а Сережа давным давно не ходит в платьях. У девочек, что ли, бывают рогатки? У Сережи есть рогатка (В. Панова. Сережа).

Разговорные выражения могут выполнять особую функцию интимизации повествования, т. е. создания впечатления, что автор обращается персонально к данному читателю. Впечатление это возникает потому, что разговорная речь всегда персональна, а письменная речь, как правило, обращена не к конкретному человеку. Однако в авторской речи, за редким исключением, это все же отдельные выражения. Значительно шире разговорные элементы используются в художественном диалоге.

ФУНКЦИИ РАЗГОВОРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

В художественном диалоге разговорные элементы используются настолько широко, что встает вопрос, к какому функциональному стилю относится речь действующих лиц художественного произведения: к художественному или разговорному¹. См., например, диалоги, полностью совпадающие с разговорными в пьесе Горького «Дачники»:

Су слов. *Вы слышали?*

Р ю м и н. *Что?*

Су слов. *Спор.*

Р ю м и н. *Нет. Какой?*

Су слов. *Власа с писателем и Замысловым?*

Р ю м и н. *Нет.*

Су слов. *Жаль.*

¹ См., например, разные точки зрения по этому вопросу Б. Н. Головина (Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка. — Вопросы стилистики. Саратов. 1978, вып. 14) и А. Н. Васильевой, рассматривающей речь действующих лиц как материал для изучения разговорной речи (Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976).

Аналогичные отрывки можно привести из произведений других авторов. Впечатление разговорности создается использованием ряда особенностей, свойственных разговорной, но не письменной речи. В приведенном диалоге это предельная неполнота предложений, приводящая к непониманию, которое тут же устраняется переспросом. В других случаях это типичный для разговорной речи порядок слов: *Цели кони-то отцовские* (Л. Леонов. Русский лес); *На Парамоновских рудниках у меня дядя родной в стражниках служит* (Шолохов. Тихий Дон); *Я слесарь, хочу мастерскую открыть* (Шолохов. Тихий Дон); *Я всем дамам конфет привез* (Горький. Дачники) и т. д., повторы: *Как она строго говорит обо всем... как строго* (Горький. Дачники), перебивы, недоговоренности, даже негладкие фразы: *Но она... эта Ваша жена вашего солдата очень глупа* (Погодин. Человек с ружьем) и т. д.

Сигналами разговорности могут служить не только типичные для разговорной речи элементы. Возможны и условно литературные сигналы, особые художественные приемы, создающие впечатление того, что персонажи именно разговаривают, причем непринужденно. Одним из таких приемов является употребление инфинитива впереди глагола в спрягательной форме: *Видишь, люди устали, пить хотят* (К. Симонов. Живые и мертвые); *Распоряжаться я не собираюсь* (Федин. Костер); *Я только спросить хочу* (Л. Леонов. Русский лес) и т. д. В разговорной речи такой порядок встречается редко (лишь немногим чаще, чем в письменной речи: до 8% в авторской речи А. Толстого, М. Шолохова и 8—14% в живой разговорной речи), а в речи персонажей у некоторых авторов достигает 55—63% (например, в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы»).

Итак, основное назначение разговорных элементов в художественном диалоге — функция сигнала разговорности. Однако не менее важной является другое назначение разговорных элементов — функция характеризующая.

Разговорные элементы в художественном диалоге, как правило, являются не только сигналом разговорности, но и средством речевой характеристики персонажа. В этих целях подчас используется бранная, сниженная лексика, а также употребляются диалектные слова как показатель невысокой культуры персонажа. Нередко таким свидетельством низкой речевой культуры персонажа становятся обычные разговорные явления, свойственные в реальном общении и людям высокой культуры. Так, например, используются в художественных текстах заполненные паузы и перестройки фраз на ходу: у Л. Толстого в пьесе «Плоды просвещения» 2-й мужик говорит: *Ну, что я хотел спросить: эта вот девушка живет у вас с нашей стороны — Аксиньина-то. Ну что? Как? Как она живет, значит, честно ли?*

1-й мужик: Действительно, это как есть. Происходит... значит, насчет покупки собственной земли. Так мир нас, примерно, и полномочил, чтобы взойти, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки указанного числа.

В произведении В. М. Шукшина «Калина красная» старик Байкалов говорит: *Кто тебя в убийцы зачисляет? Но только ты тоже, того... что ты булгахтер, это ты тоже... не заливай тут.*

В прошлом аналогично использовались и качественные конструкции с местоимением, например: *Доброта — она превыше всех благ* (Коростылев); *Смерть — она все успокаивает* (Лука) (М. Горький. На дне).

Следует иметь в виду, что и сейчас и в прошлом условно литературным средством речевой характеристики является порядок слов. У Пушкина по расположению в речи прямого дополнения различаются великосветское и провинциальное дворянство. Ср., например, место прямого дополнения в речи персонажей «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки». Возможно, это как-то связано с использованием великосветскими дворянами в своей речи французского языка (ср. речь Дубровского и Троекурова, не владевшего французским языком).

Сейчас невозможно установить, была ли подобная разница порядка слов у разных социальных групп населения в прошлом. Но ныне такой разницы нет, как показали исследования, а писатели продолжают пользоваться порядком слов как средством речевой характеристики. Так им пользуются Л. Леонов, К. Федин, К. Симонов и др.

Еще более любопытно использование в качестве средства речевой характеристики графической передачи произношения. Примечательно, что показателем низкой культуры персонажа, неправильности его речи становится не только действительно нелитературное произношение (*сястра*), но и орфографическая неправильность в передаче произношения, полностью соответствующего литературным нормам. Так, например, М. А. Шолохов в романе «Поднятая целина» вкладывает в речь своих персонажей *скушноватая песня, канешно, што*. Написание этих слов создает художественное впечатление произносительной неправильности речи, хотя так, и только так, говорят и должны говорить культурные люди.

Мастерство писателя заключается не только в том, чтобы скопировать, сфотографировать живую речь. Это и невозможно сделать средствами письменной речи, да и не нужно. Речь персонажа всегда ориентирована не на того, с кем он «разговаривает», а на читателя. Отсюда и столь яркая речевая характеристика, и сообщение тех фактов, которые «собеседнику» известны, но нужны читателю (особенно в драме).

Мастерство писателя заключается в том, чтобы минимумом сигналов разговорности создать впечатление, что люди говорят,

разговаривают, беседуют, и одновременно передать читателю нужные сведения: Салов: *Что я о тебе знаю? Шестой разряд, комсорг цеха — и все* (Розов. В день свадьбы).

Умение писателя «изображать» разговор — один из важнейших показателей талантливости автора. Но приемы этого изображения различны даже у писателей, чьи произведения хронологически совпадают. Наиболее общим является прием разговорного расположения прямого дополнения (впереди глагола), создающего особую разговорную стиливую окраску.

Однако, кроме индивидуально-авторских различий, есть и различия историко-литературного плана. Как показывают исследования, постепенно, в процессе исторического развития русской литературы, расширяются включения разговорных элементов в текст художественных произведений. Во времена А. С. Пушкина эти возможности были ограничены условностями в употреблении разговорной речи. Постепенно разговорные элементы получают право на включение в речь персонажей, а затем и в несобственно-прямую речь. В последние годы, как уже говорилось, стираются границы авторской и несобственно-прямой речи. Так, в романе Е. Воеводина «Семейное дело» (Нева, 1978, № 2) в, казалось бы, авторской речи встречаются: *Девчонки шпарили целыми верстами цитат; Замурзанные зоопарковские лоси* и т. д. В романе Г. Башкировой «Рай в шалаше, или Татьянин день» (Звезда, 1979, № 2) читаем: *И Верочка поняла это, может быть, слишком буквально: она ничего не сделала, чтобы судьбу свою обхитрить*. В произведениях В. М. Шукшина: *Знал бы Серега про эти разговоры! У Клары хватило ума не передавать их мужу. А Сереге это одно удовольствие — воды натаскать, бельишко простирнуть* («Беспалый»).

Конечно, более широкое включение в текст художественного произведения разговорной речи отвечает требованию отражения в нем действительности, что в свою очередь сближает автора с читателем. Однако авторитет художественных текстов, как известно, столь велик, что может невольно поддерживать и даже распространить нежелательные явления разговорной речи, засоряющие литературно-разговорную речь, нарушающие ее нормы. Это нужно обязательно помнить и учитывать писателям. Так, вряд ли правомерно введение в речь положительных персонажей жаргонных словечек типа *ни грамма, всю дорогу* и т. д. Своеобразное освещение их авторитетом печатного слова может привести к их нежелательному широкому распространению. Социальная ответственность писателя накладывает на его творчество известные ограничения, которые, к сожалению, не всеми соблюдаются.

Разумеется, учитель не редактор, он не может ни потребовать от писателя соблюдения пуристических норм, ни препарировать писательский текст. Но учитель может и должен обра-

тить внимание учеников на разницу авторской речи и речи действующих лиц, на то, что включение слова в речь персонажа еще не означает допустимости использования этого слова в литературно-разговорной речи. Можно провести диспут о допустимости тех или иных слов, выражений в литературно-разговорной речи, привлекая к обсуждению не только язык современных произведений, но и факты нарушения литературных норм в речи учащихся. При этом нужно помнить, что смена норм, их «демократизация» — неизбежные явления в развитии языка. Многие из того, что при составлении «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова казалось выходящим за пределы литературных норм (*ушанка* вместо *малахай*, *болельщик* и т. д.) сейчас не только стало нормой литературно-разговорной речи, но и характеризуется как стилистически нейтральное¹. Необходимы прежде всего уважение к чужим вкусам, такт и осторожность в осуждении речевых факторов. Только в этом случае слово учителя, его неодобрение будет воздействовать на школьников, способствовать очищению их речи от всего недопустимого в литературном языке.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М., 1978.
- Васильева А. И. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.
- Ладыженская Т. А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М., 1975.
- Лаптева О. А. О грамматике устного высказывания. — Вопросы языкознания, 1980, № 2.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
- Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. М., 1973.
- Основы методики русского языка в 4—8 классах. М., 1978 (раздел III).
- Пленкин Н. А. Стилистика русского языка в старших классах. М., 1975.
- Прудникова А. В. О системе упражнений по лексике русского языка. — Русский язык в школе, 1968, № 1.
- Русская разговорная речь/Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.
- Успенский Л. В. Культура речи. М., 1976.
- Фигуровский И. А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М., 1961.

¹ См.: Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971, гл. IV.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Литературный язык и его функциональные разновидности	6
Стили литературного языка и их особенности	—
Письменная и устная формы речи и их особенности	14
Разговорная речь и ее особенности	20
Общая характеристика разговорной речи	—
Фонетические нормы разговорной речи	22
Лексические особенности разговорной речи	25
Морфологические особенности разговорной речи	38
Синтаксические особенности разговорной речи	42
Разговорные построения в сочинениях учащихся и в монологической устной речи	58
Отражение разговорных построений в сочинениях	—
Ошибки, обусловленные разговорным порядком слов	59
Ошибки, обусловленные ассоциативным принципом построения текста	63
Неправильности использования в сочинениях местоимений как отражение специфики разговорной речи	65
Неполнота предложений в письменной речи как отражение особенностей разговорной речи	66
Замена книжных конструкций разговорными	—
Отражение разговорных построений в устной монологической речи	68
Отличия устной публичной речи от письменной	69
Отличия устной публичной речи от разговорной	71
Разговорные элементы в художественной речи	73
Функции разговорных элементов в авторской речи художественных произведений	—
Функции разговорных элементов в художественном диалоге	75
Дополнительная литература	79



Ольга Борисовна Сиротинина

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Редактор Г. В. Карпюк
Художественный редактор Т. Г. Никулина
Технические редакторы Н. Н. Бажанова, О. И. Савельева
Корректор Л. А. Ермолина

ИБ № 6161

Сдано в набор 02.03.83. Подписано к печати 14.09.83. Формат 60×90^{1/16}. Бум. типографская №2. Гарнит. Лит. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр. отт. 5,25. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 250 000 экз. Заказ № 2500. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3й проезд Марьиной рощи, 41.
Областная типография Управления издательства, полиграфии и книжной торговли
Ивановского облсподкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ

ТБ

ТІЛ БІЛІМІ

ИНСТИТУТЫ